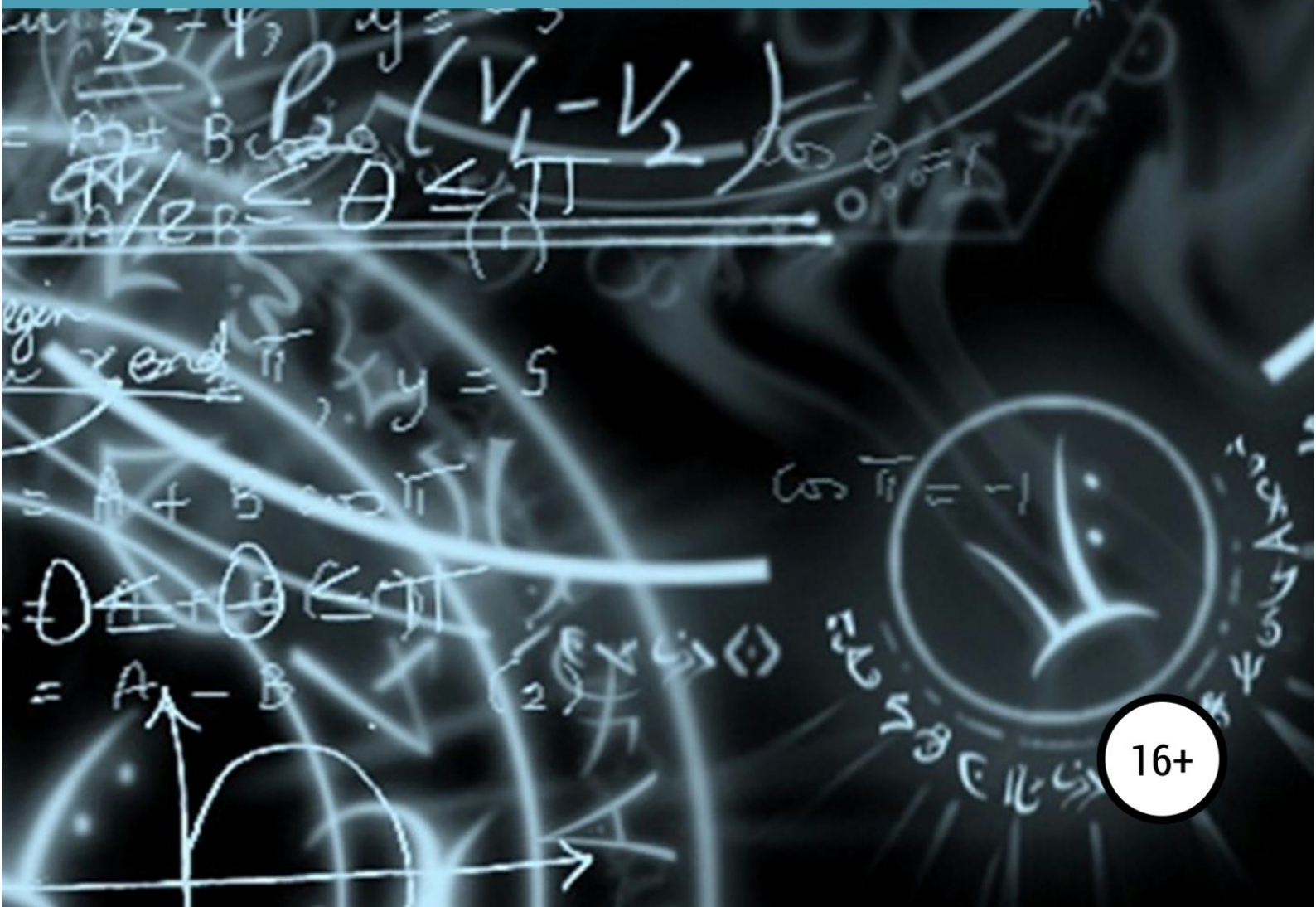

Александр Майлер

Любовь "по расчету"

Александр Майлер
Любовь «по расчету»

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Майлер А.

Любовь «по расчету» / А. Майлер — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Случайная встреча с девушкой круто меняет судьбу Алексея через много лет после этой встречи. Алексей расследует исчезновение русского математика, работающего в американской генетической компании. Алексею удаётся найти беглеца, оказавшегося то ли гением, то ли сумасшедшим. Его открытие поражает своим планетарным масштабом и даёт Алексею захватывающую возможность исправить двадцатилетней давности трагическую случайность в его семье. Алексей становится центральной фигурой в проверке достоверности открытия.

© Майлер А., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Майлер

Любовь «по расчету»

*Если хочешь рассмешить Бога, поделись с ним своими планами.
Народная шутка.*

Глава 1

Исчезновение

– Кто это с ума сходит, – подумал Алексей, проснувшись от звонка мобильного телефона, одновременно включая телефон и смотря на светящийся циферблат часов, показывающих пять утра. В трубке громко прозвучала хорошо поставленным знакомым голосом английская речь.

– Привет, ты, конечно, еще спишь, но извини, я вынужден тебя разбудить, – знакомый голос Майкла пророкотал характерным английским «R».

– Доброе утро, Майкл, рад тебя слышать! – деланно бодрым голосом откликнулся Алексей.

– Как там у моряков принято говорить: «Есть работа на палубе!». Мы начинаем новый проект. Посмотри электронную почту – там все, что можно открытым текстом сообщить, я написал. Экспресс-почтой идет письмо твоему начальству с договором и другими формальными документами. Надеюсь тебя увидеть уже завтра в штаб-квартире.

– Черт, почему каждый раз я должен ломать все свои, и не только свои, планы, почему у нас каждый раз пожар?!

– У нас с тобой такая работа, а в этот раз очень серьезный заказчик уж очень торопит. Сообщи номер рейса, когда билет будет на руках.

– О'кей, я тоже надеюсь на скорую встречу.

По электронной почте письмо от Майкла содержало не намного больше информации, чем было сказано в телефонном разговоре. Единственная, но весьма существенная новость для Алексея заключалась в том, что он назначался координатором проекта.

– Это что-то новенькое, – подумал он, прикидывая план первоначальных сиюминутных действий.

Он позвонил и, конечно же, разбудил Семёна, своего незаменимого помощника, и поручил ему срочно купить билет на любой самый ближайший рейс до Сан-Франциско. Сообразил, что начальству надо звонить не раньше восьми, и привычно приступил к своей жесткой утренней зарядке, которая несведущему наблюдателю показалась бы скорее серией цирковых номеров, чем оздоровительной процедурой.

Между московским юридическим холдингом «Юрмастер», где Алексей работал руководителем аналитического департамента, и всемирно известным частным международным детективным агентством «WRS Corporation» существовало генеральное соглашение. Краткая суть его заключалась в том, что обе компании могут привлекать друг друга для участия в конкретных международных проектах. От «Юрмастера» за работу с «WRS Corporation» отвечал Алексей, который был членом экспертного Совета «WRS Corporation», председатель которого Майкл Эдмис был в свою очередь введен в состав наблюдательного совета «Юрмастера». Майкл занимал должность вице-президента «WRS Corporation» и руководил аналитическим сектором корпорации.

Конечно, по сравнению с «Юрмастером» «WRS Corporation» со своей восьмидесятилетней безупречной репутацией высокочлассного детективного агентства, штаб-квартирой в Сан-Франциско и филиалами, отделениями и представительствами в 36 городах мира имела зна-

чительно больший удельный вес в мировой табели о рангах. Но относительно молодой юридический холдинг «Юрмастер» имел свои неоспоримые достоинства – это был самый влиятельный и разветвленный негосударственный холдинг на одной шестой части суши земного шара под названием Россия. Вот как раз на этой части суши у «WRS Corporation» не было ни своих филиалов, ни своих отделений. И таким образом получалось, что Алексей как бы представлял интересы «WRS Corporation» в России.

Влиятельность и разветвленность «Юрмастера» была обусловлена несколькими причинами. Холдинг был создан на заре нового российского капитализма как частная компания для решения очень широкого комплекса вопросов – от собственно юридических услуг до информационных, детективных, охранных и прочих. Реальных владельцев холдинга не знал никто, а формально 98 процентов акций принадлежало президенту холдинга Заславскому Евгению Сергеевичу, человеку чрезвычайно близко по жизни связанному с высокими структурами сначала советской, а затем и российской власти.

Мелодичный звонок телефона прервал очередной цирковой номер Алексея. Звонил Семён с докладом о проделанной работе.

– Алексей Николаевич, есть бизнес-класс на завтра Дельтой «Москва-Нью-Йорк-Сан-Франциско», а на сегодня только эконом-класс Аэрофлотом «Москва-Лос-Анжелес-Сан-Франциско» и бизнес-класс Люфтганза «Москва-Франкфурт-Сан-Франциско».

– А что самое раннее?

– Люфтганза, вылет в 12.05.

– Бери Люфтганзу и пришли машину за мной к девяти.

– Мне самому приехать или Юру прислать.

– Пришли Юру. Позвони Инге, пусть отменит все мои мероприятия на ближайшие десять дней.

«Черт, времени просто уже нет», – подумал Алексей и бросился в душ.

Майкл Эдмис, подтянутый старик неопределенного возраста – от 70 до 90, как шутливо думал про себя Алексей, встречал у входа в штаб-квартиру «WRS Corporation», представляющую собой большое по площади современное трехэтажное здание, очень красиво вписанное в окружающий парк. Принадлежащий корпорации огромный участок леса окружал собственно парковую зону, любовно возделанную специалистами ландшафтного дизайна и современных средств безопасности. Всё было сделано красиво, функционально, с размахом и в то же время уютно сочетая натуральность многочисленных больших деревьев, цветов с органично вписанным в эту природу зданием, белые простенки которого украшала вьющаяся зелень.

«Рай на земле», – подумал Алексей, прекрасно зная, что эта обманчивая натуральность буквально пронизана современными средствами видео- и аудионаблюдения.

– Рад тебя видеть. Как долетел?

– Всё нормально, также очень рад тебя видеть.

– Через сорок минут начинаем установочное совещание по новому проекту. Пошли, я тебя кратко введу в суть проблемы.

Они вошли в кондиционируемый холл и направились к лифту, которым, несмотря на малоэтажность, было оборудовано здание. Лифт внутри декоративно был отделан деревянными поручнями. Майкл, словно балерина, легко и даже изящно запрокинул правую прямую ногу на поручень, находящийся на высоте его талии, и продолжал непринужденно общаться с Алексеем о погоде в Москве.

«Какой же он спортивный и раскрепощенный дед», – восхищенно подумал Алексей, зная, что эта раскрепощенность Майкла хорошо сочетается с колоссальным профессионализмом и тактичностью в общении.

Майкл, как всегда, сжато и толково рассказал Алексею краткую суть проекта.

В проекте ставится задача найти и определить причины исчезновения пропавшего несколько дней назад исследователя, занимавшегося проблемами, связанными с расшифровкой геномов, с том числе генома человека, генной инженерией и другими современными проблемами генетики. Исчезнувший – Антон Микульский – русский по происхождению, собственно, поэтому на Алексея и возложена координация работ по проекту.

Было известно, что Микульский окончил мехмат МГУ, увлекся криптографией, переехал в США по гранту, защитил диссертацию по теме оригинальных алгоритмов дешифровки кодов, затем, получив рабочую визу, работал в частной компании «Эйч Жи Пи», занимающейся широким комплексом проектов в сфере генетики.

В переговорную комнату начали заходить члены экспертного совета, с каждым из которых Алексей перебрался несколькими теплыми приветствиями. Зашла группа незнакомых людей, которых Майкл рассадил за общий стол, где уже сидели члены совета. На шее каждого из пришедших висел на изящной цепочке гостевой знак с именем и фамилией.

Майкл начал совещание, представив гостей. Это были сотрудники разного ранга компании «Эйч Жи Пи», в которой работал исчезнувший фигурант проекта. Майкл предоставил слово вице-президенту компании «Эйч Жи Пи» Дэну Олбрайту, который курировал вопросы безопасности. После его выступления стало понятно, что деятельность «Эйч Жи Пи» являла собой гармоничное сочетание чисто научной и коммерческой составляющих. Исчезновение сотрудника копания восприняла очень болезненно, поскольку опасалась утечки коммерческой информации, если только этот инцидент не связан с банальными бытовыми причинами. Последним вопросом интенсивно занималась полиция Калифорнии, а вот профессиональную составляющую этого чепэ «Эйч Жи Пи» сочла необходимым поручить высококлассному детективному агентству, несмотря на его заградительные расценки. Здесь возобладал принцип «скупой платит дважды».

На вопрос, чем конкретно занимался Микульский, Дэн сказал, что простой ответ без общего описания деятельности компании ничего не даст в силу чрезвычайной специфичности работы по общей и прикладной генетике. Поскольку уважаемые члены совета не являются специалистами в этой области науки, было бы необходимо выслушать одного из научных руководителей компании, который в максимально простой, популярной и сжатой форме расскажет как о работе компании, так и о сфере деятельности Микульского.

Алексей, несмотря на усталость от длиннющего перелета, был привычно собран и внимательно слушал выступавшего научного руководителя компании, тем более что его рассказ, больше похожий на популярную лекцию, содержал абсолютно новые для Алексея сведения о миропорядке в сфере живого на земле.

Аккуратно и не без изящества одетый Крис МакКлейн, больше похожий на чиновника высокого ранга, чем на ученого, сразу взял инициативу в свои руки.

– Если что-то будет не понятно, задавайте вопросы без промедления. Я предельно упрощу свой рассказ, поскольку отдаю себе отчет в непрофессионализме аудитории и регламенте. Так вот, приблизительно около четырех миллиардов лет тому назад на Земле возникла жизнь, которая развилась от одноклеточных форм в виде бактерий до многоклеточных растений и животных, множество которых населяет нашу планету и по сей день. Около сорока тысяч лет тому назад наряду с приматами, вроде горилл, орангутангов и шимпанзе, а также человекообразных кроманьонцев и неандертальцев, появился «человек разумный», развивший современную цивилизацию и завоевавший нашу планету, то есть мы с вами.

– Простите, пользуясь случаем, раз уж вы начали из такого «далека», сразу же вопрос, откуда она возникла, эта жизнь, и как из неразумной обезьяны получился вполне разумный человек? – с улыбкой спросил Майкл.

– Эти два вопроса задаются на протяжении многих столетий и являются тайнами мирового уровня. Ни первый, ни второй вопрос не получили научно обоснованного ответа. Име-

ется разнообразное количество гипотез, ни одна из которых не получила общего признания. На поставленные вопросы возможны два разумных ответа: первое – это случилось само собой путем сочетания различных природных факторов, и сама жизнь и её разумная часть присущи самой развивающейся природе, как такие понятия, как материя, энергия, время. И есть второе объяснение – это случилось по воле Творца. Причем, и первое, и второе объяснения могут не исключать друг друга.

– А при чем здесь генетика?

– А вот генетика является одной из главных составляющих науки о жизни, потому что главным элементом жизни, в том числе наших с вами тел, является клетка, а её рождение, развитие и смерть проистекают по определенным инструкциям, передающимся с помощью генетического кода. Практически всё, из чего состоит наш организм, – это белки, а каждый белок построен в соответствии с генетической инструкцией. Очень кратко о генетическом коде. Коды передаются с помощью алфавита из четырех букв словами по три буквы в каждом. Сочетания слов расположены непрерывными цепочками и составляют фразы инструкций. Конечно, я говорю не о буквах, словах и фразах в привычном понимании этих элементов нашего человеческого языка. Все эти буквы, слова, фразы, инструкции имеют физически вид спиралевидных молекул ДНК, которые компактно свернуты в агрегаты, называемые хромосомами, и расположены в плотных комочках, так называемых ядрах клеток. У разных растений и животных разное количество хромосом. У человека во всех клетках, кроме половых, их 23 пары, то есть 46 хромосом, а половые клетки, сперматозоиды и яйцеклетки, имеют 23 одинарных хромосомы. Догадаетесь, почему в половых клетках одинарный набор хромосом!

– Потому что при слиянии сперматозоида и яйцеклетки образуется одна полноценная клетка, из которой потом вырастает организм, – ответил Алексей, не задумываясь.

– Абсолютно верно!

– Так что же, генетический код возник сам собой, путем случайного сочетания молекул под воздействием случайных факторов? Не напоминает ли это известный анекдот про то, что если посадить большое количество обезьян за пишущие машинки и долго заставлять их печатать, то в конце концов одна из них создаст литературный шедевр? – саркастически усмехнулся Майкл.

– А еще есть история про огромную свалку мусора, содержащую огромное количество металлического и другого хлама, и через много-много лет под воздействием ураганного ветра из этого мусора случайно соберется Боинг-747, – Алексей поддержал Майкла.

Усталая улыбка Криса свидетельствовала о банальности этих историй.

– Я же говорил, что есть и второе объяснение. Только не задавайте вопрос, зачем возникла жизнь, поскольку такой вопрос очень похож на вопрос, зачем электрон отрицательный, скорость света постоянна, а вода мокрая. Ответ простой – так устроен мир. Так вот, возвращаясь к генетике, хочу отметить, что современный уровень знаний и технологий в этой сфере позволяет заниматься головокружительными проблемами. С генетикой связано несколько нераскрытых наукой загадок. Как вы думаете, насколько различается геном человека и мыши? У каждого здравомыслящего человека ответ будет «намного», у человека, конечно же, геном значительно сложнее. А вот и нет, говорит расшифровка геномов, разница в пределах пяти процентов. Еще одна загадка, не нашедшая научного объяснения. Только около шести-семи процентов генов ДНК являются инструкциями для построения и развития клеток, остальные более девяноста процентов с неясными функциями. В общепринятой терминологии их называют «мусорной» частью ДНК. Весьма говорящее название! Другой необъяснимый наукой феномен заключается в том, что, казалось бы, генетически и биологически predetermined результаты перечеркиваются известными единичными, но доказанными случаями «чудесного» исцеления от смертельного рака, ВИЧ-инфекций и других абсолютно неизлечимых болезней. С генетикой связаны огромные потенциальные возможности практической медицины: избав-

ление от наследственных заболеваний, лечение онкологических болезней, омоложение организма, значительное продление активной жизни и много других, порой довольно революционных технологий. Наконец, нашумевшие методы клонирования от любимых животных до донорских органов, а может быть, и до человека. Наша компания ведет работы, связанные в той или иной степени со всеми перечисленными проблемами. Многие из названных задач связаны с очень непростыми вопросами юрисдикции, этики и экономики. Вот почему пропаша одного из наших сотрудников, пусть и рядового, кроме общечеловеческой тревоги вызывает и другую серьезную озабоченность, связанную с коммерческими и корпоративными тайнами. Конфиденциальность в работе нашей компании является абсолютно приоритетной проблемой. Я готов ответить на ваши вопросы.

– Чем конкретно занимался Микульский?

– Микульский как талантливый математик, специалист по криптографии оказывал методическую поддержку в проектах, требующих применения общих методов дешифровки каких-либо данных. В последнее время он работал в группе, исследующей геномы некоторых археологических останков, как человеческих, так и животных.

– Занимался ли Микульский проблемами, имеющими коммерческий потенциал?

– Все задачи, которое решает наша компания, имеют коммерческий потенциал.

– Правильно ли мы поняли, что некоторые из задач, решаемых вашей компанией, могут стать ключом к решению общемировых проблем, таких как лечение рака, продление жизни и так далее? И каков коммерческий потенциал прикладного решения таких задач?

– Да, правильно. Однако хотел бы прямо сказать, что мы пока далеки от практического решения названных задач. Что касается коммерческого потенциала, то его можно на пальцах прикинуть. В мире более десяти миллионов человек имеют состояние, превышающее один миллион долларов. Как вы думаете, сколько денег выложит каждый из них, если узнает, что можно провести курс специальной, очень дорогой терапии, позволяющей прожить 150 лет, сохраняя хорошую физическую форму? Сколько денег выложит каждый из них, если узнает, что можно бесследно избавиться от онкологической или другой абсолютно неизлечимой сейчас болезни? А сколько он заплатит, если узнает, что можно повернуть время вспять и омолодить организм, вернув физическую форму лет на 20–30 назад?

– Неужели у генетики есть реальные возможности овладеть подобными чудесами?

– Есть реальные предпосылки. Овладев технологиями, использующими генетический код в качестве инструмента воздействия на клеточные структуры, можно добиться конкретных дух захватывающих результатов, о которых я рассказывал. Есть ли еще вопросы, господа?

Майкл взял в свои руки завершение совещания.

– Если нет больше вопросов, – он обвел взглядом присутствующих, – нам следует поблагодарить мистера МакКлейна за очень доходчивое выступление по столь сложному вопросу. Я попрошу остаться мистера МакКлейна, мистера Олбрайта и тебя, Алексей. Спасибо всем, следующая встреча завтра, время будет согласовано дополнительно.

После того как в комнате остались четверо, Майкл представил Крису МакКлейну и Дэнну Олбрайту Алексея:

– Познакомьтесь, господа, это член нашего экспертного совета Алексей Корноухов. Он назначен координатором проекта. У нас есть вопросы, не правда ли, Алексей?

– Да, конечно, приятно познакомиться.

– Взаимно, – хором ответили Крис и Дэн, и все рассмеялись.

– Скажите, мистер МакКлейн, насколько значительный коммерческий потенциал имели конкретно те задачи, в решении которых участвовал Микульский? – спросил Майкл.

Пока Крис задумчиво потирал щеку, Дэн довольно мрачно произнес:

– Хотя я и не отвечаю за коммерцию компании, а всего лишь курирую вопросы безопасности, могу с уверенностью сказать, что Микульский как талантливый математик имел

довольно редкий статус работника, привлекаемого к широкому спектру проектов компании, и таким образом мог иметь отношение к ряду весьма так сказать «коммерческоемких» проектов.

Крис развел руками и сказал:

– Судите сами, как я уже говорил, наши проекты на выходе могут иметь сенсационные результаты. Вы наверняка слышали о чудодейственном применении стволовых клеток, с помощью которых, по мнению журналистов, в скором времени можно будет изготавливать эликсир молодости. А чего стоит возможность избавиться от рака?! Ведь в раковых клетках нарушены инструкции, связанные с механизмом ограничения количества делений, и они размножаются бесконтрольно, принося смерть организму. А возможность клонирования организмов?! Можете себе представить, какова коммерческая стоимость любой из названных технологий?!

– Мог ли Микульский получить каким-либо образом научные или технологические результаты, дающие возможность выйти на конечный коммерческий результат в какой-либо из перечисленных проблем? – спросил Алексей.

– Микульский в разные периоды времени привлекался практически ко всем проектам, имеющим отношение к этим, как сказал Дэн, «коммерческоемким» вопросам. Мог ли он втайне от коллег получить какие-то неожиданные результаты, имеющие коммерческую ценность? На мой взгляд, это практически маловероятно, потому что Микульский – чистый математик, не владеющий вопросами технологий, а занимавшийся методиками расшифровки чего бы то ни было, в нашем случае – биологических систем, – Крис обвел всех присутствующих задумчивым взглядом. – Нет, пожалуй, это не маловероятно, а просто невероятно.

– Мистер Олбрайт, а что говорит полиция? – Алексей продолжал свои вопросы.

– Мы подали стандартную заявку по поводу пропажи человека через три дня после установления факта его отсутствия. Он просто не пришел на работу, на телефонные звонки не отвечал, а визит нашего сотрудника к нему домой подтвердил, что по сведениям соседей он отсутствует несколько дней. Полицейские говорят, что есть сотни причин незапланированного отсутствия человека, но заявку приняли, провели стандартные предварительные следственные действия от опроса соседей и сослуживцев до обыска квартиры, которую снимал Микульский, и похоже на этом их активность завершилась.

– Он, что, жил один?

– Да, он жил один, года три назад он разошелся со своей русской женой. Там была какая-то банальная история, она нашла богатого спонсора, ушла от Микульского, который не очень-то и переживал.

– Где она сейчас живет?

– Она уехала в Россию. Развод они не оформляли по её просьбе, романтическая часть отношений с богатым спонсором закончилась, и она после слабых попыток вернуться к Микульскому уехала домой в Москву.

– Как он пережил уход жены, появилась ли у него потом женщина?

– Микульский – человек, полностью поглощенный своей работой, здоровым образом жизни и больше, по-моему, ничем. Возможно, какие-то любовные связи имели место, но если и были какие-то женщины, то не на постоянной основе. То, что называется случайными связями.

Майкл, мягко хлопнув ладонями по столу, произнес с дежурной улыбкой:

– Огромное спасибо, господа, за исчерпывающие ответы на наши вопросы. Мы завтра встречаемся еще раз в полном составе нашего экспертного совета, окончательное время мы уточним сегодня вечером.

После того, как Дэн и Крис покинули комнату, Майкл сразу же перешел на деловой язык, скорее характерный для руководителя оперативной группы, чем для председателя экспертного совета.

– Алексей, я предлагаю не терять время и подготовить план оперативных мероприятий. Предлагаю тебе незамедлительно возвратиться в Москву для разработки всех российских сле-

дов Микульского. Наш департамент поисковых операций в контакте с полицией проведет все необходимые действия здесь: аэропорты, телефонные разговоры, банковские операции, пересечение границы и прочее. Связь – ежедневно в 10.00 по нашему времени. О'кей?

– О'кей, сэр, – Алексей шутиливо приложил два пальца к виску, отдавая честь боссу. Их отношения, несмотря на почтенный возраст Майкла, позволяли немного дурачиться даже в самые серьезные моменты совместной работы.

Глава 2

Случайные встречи

В жизни Алексея огромное место занимал «Его Величество Случай». Трагический случай столкнул его в расцвете молодости с величайшей трагедией, какую только может пережить человек. Поворотные этапы и его личной жизни, и его карьеры каким-то замысловатым образом отталкивались от случайностей, и Алексея всегда занимал вопрос, а что было бы, если бы этих случайностей не произошло и жизнь потекла бы по другому сценарию. Его всегда озадачивали проблемы случайности, доминирующие, по его мнению, во многих аспектах окружающего мира.

Однажды, покупая куртку в универмаге, Алексей обратил внимание на приятную девушку-продавца, которая помогала ему подобрать то, что ему нужно. Он был с женой, и смутное, но довольно сильное желание познакомиться с девушкой было привычно подавлено необходимостью вести себя прилично в присутствии жены. Однако какое-то неясное ощущение близости, приятности, притягательности, взаимопонимания, симпатии и черт еще знает чего не оставляло Алексея еще долгое время, когда он вспоминал продавщицу. Он тогда не мог ещё оценить, какие значимые события в его жизни будут связаны с этой случайной встречей и как он будет жалеть, что не преодолел неловкость и не познакомился тогда.

С самого детства Алексей был очень спортивным мальчиком. Чем только он ни увлекался в школьные годы. Тут и легкая атлетика, и вольная борьба, и футбол, бодибилдинг, лыжи и еще несколько видов спорта. При этом он был чрезвычайно сообразительным мальчиком, в чем несомненная заслуга родителей, давших ему определенные задатки от рождения и развивших их в недюжинные интеллектуальные способности, которые серьезно его отличали от своих сверстников по спортивным секциям. Алексей знал себе цену и считал, что сочетание его физических и интеллектуальных качеств может получить самую лучшую отдачу в его карьере. Немалую роль в этих устремлениях играл его отец, всю свою жизнь служивший в армии, причем в её «интеллигентном» секторе, как он сам любил называть систему военного кораблестроения.

Лучший школьный друг Серега, с которым они проводили практически всё свободное время, в очередной беседе по душам дал так называемый «бесплатный совет», который, как это ни странно, повлиял на всю последующую Алешину жизнь.

Серега был не просто общительным мальчиком. Это был король общения. Он легко и непринужденно мог заговорить не только с любым сверстником, но, глядя абсолютно честными голубыми глазами на учителя или любого другого взрослого человека, он с подкупающей вежливой искренностью заговаривал на любую тему. Высокий крупный светло-русый мальчик моментально вызывал симпатию. При необходимости от имени класса или группы ребят вступить в переговоры с классным руководителем или другим учителем Серега был вне конкуренции.

Уже потом, в зрелом возрасте, он сохранил это свойство своего характера, применяя его в основном в общении с женщинами, что позволяло ему каким-то волшебным образом, с точки зрения стороннего наблюдателя, знакомиться с абсолютно незнакомыми, только что встретившимися женщинами и, более того, становиться затем их добрым приятелем, если ему этого хотелось.

Алексей, учившийся вместе с Сергеем с четвертого класса, в первый раз столкнулся с неординарным характером своего одноклассника в шестом классе, когда двенадцатилетний Серега подошел к нему теплым предмайским днем и заговорщицки шепнул:

– Слушай, праздники положено отмечать, давай выпьем коньячку.

– Давай! – восторженно отреагировал Алеша. – А как мы это сделаем?

– У тебя есть два рубля? – вопросом на вопрос ответил Серега.

– Ну есть.

– Давай. Я сейчас пойду и куплю бутылку, если мне не будут давать, я скажу, что это для дедушки – ветерана войны.

– А сколько стоит бутылка?

– Такие вещи будущему мужчине надо знать. Четыре рубля двенадцать копеек. Я добавляю свои два рубля двенадцать копеек, так что ты мне будешь должен шесть копеек, понял?

– Ага.

По радостному выражению лица Сереги и сильно оттопыренному карману Алексей понял, что операция «купить спиртное» прошла успешно. Они нашли хорошее место за кучей строительного мусора во дворе большого серого дома. Практичный Серега достал из портфеля две конфеты и пачку печенья. Они легко вытащили пластмассовую пробку из красивой бутылки дагестанского коньяка.

– Давай, ты первый, – предложил Серега.

Алеша сделал глоток из горлышка бутылки и почувствовал странный, ни с чем не сравнимый обжигающий вкус «огненный жидкости». Он передал бутылку Сереге, быстро развернул и отправил в рот шоколадную конфету. Серега повторил «подвиг» Алеши и также заторопился с разворачиванием конфеты.

Сделав по несколько глотков и съев конфеты с печеньем, ребята решили, что, пожалуй, для начала хватит. Бутылку они надежно заткнули пластмассовой пробкой и зарыли в той самой куче строительного мусора, за которой так уютно выпивали.

– Завтра допьем, – уверенно сказал Серега, – ну что, по домам?

– По домам, – весело ответил Алеша, и ребята разбежались.

Уже на подступах к подъезду Алексей, чувствуя необычное сочетание головокружения и сонливости, решил дома сказать заболевшим, иначе неприятностей не оберешься. Войдя в квартиру, он тут же с порога объявил маме, что плохо себя чувствует, не выспался, голова болит и что он хочет поспать. Мама, поначалу всполошившись, рассудила, что сон – лучший лекарь, и не стала приставать с градусником и таблетками. Алеша заснул мертвым сном горького пьяницы и проспал почти весь день. Проснувшись и поняв, что его хитрость увенчалась успехом, он позвонил Сереге и спросил, как дела.

– Нормально, дома никого, я поспал, и все в порядке, – сообщил Серега.

– У меня тоже все нормально, мамулька даже ничего не почуяла, – похвастался Алеша.

– Ладно, завтра продолжим, – резюмировал Серега.

Завтра продолжить не удалось, поскольку запрятанную и отпитую всего на треть бутылку коньяка кто-то удачливый нашел. Зато начавшаяся так традиционно по-мужски дружба между ребятами продолжилась на долгие годы.

Так вот, Серегин бесплатный совет выглядел следующим образом.

– И чего ты с твоими данными будешь париться в этой нашей английской спецшколе еще два года, существуют всякие «спец» с разными другими уклонами, например, спортивные.

– Да я-то хочу военную карьеру делать, вон у отца какая форма красивая, все бабы засматриваются.

– Слушай, а почему бы тебе не попробовать перевестись в какую-нибудь спортивную школу? После такой школы прямой путь либо во всякие хош военные, хош не военные академии, а может, и на олимпийские игры, причем, не в роли зрителя, – сказал Серега уверенным тоном.

Эта идея овладела Алёшиными мыслями. Шел веселый месяц май, до окончания восьмого класса оставалось около месяца, и Алексей решил, оставив пока втайне от родителей, переходить в спецшколу со спортивным уклоном. После окончания такой школы, как он счи-

тал, у него будет широкое поле выбора высших учебных заведений. Узнать адрес спортивной школы при институте физкультуры не составило большого труда, и он отправился на разведку, чтобы хотя бы узнать, можно ли в принципе перевестись в такую школу. Он искал приемную комиссию спортивной школы, в процессе поиска которой и состоялась совершенно случайная встреча с Георгием Ашотовичем Маркаряном.

Миновав главный вход с большой солидной вывеской «Спортивная школа при Институте физкультуры» и увидев в коридоре доброжелательное лицо проходящего мимо солидного мужчины восточной наружности, которому на вид было лет 45, Алексей спросил, как ему найти приемную комиссию или отдел, который занимается приемом новых учеников. Маркарян очень вежливо попросил Алексея представиться и объяснить цель визита в приемную комиссию. Он, слегка улыбнувшись, предварил свой вопрос следующей фразой:

– Я с удовольствием расскажу, молодой человек, где найти эту таинственную комнату. Меня зовут Георгий Ашотович, и хотя я не местный, но хорошо ориентируюсь в этом здании. Если Вы скажете, как Вас зовут, и кратко расскажите о цели Вашего визита, я Вам постараюсь помочь.

В словах «не местный» Алексей почувствовал едва уловимую иронию.

Алексею очень польстило такое уважительное обращение с многочисленными «Вы», «Вас», «Вашего», так непривычными для юношеского уха. Он совершенно не почувствовал, что эта абсолютно случайная встреча коренным образом изменит его еще очень юную жизнь.

Внешне очень напоминающий известного всей стране сыгравшего огромное количество ролей в кино артиста, Маркарян оказался тем самым «ловцом», на которого «и зверь бежит». Он был высокопоставленный кадровик одной из федеральных специальных служб, который не ленился лично отбирать в различных военных и спортивных учебных заведениях кандидатов для дальнейшего обучения в специальных учебных заведениях для многоступенчатого отсева и селекции элитных специалистов в специфических сферах деятельности так называемых силовых органов. Он профессионально разговорил Алексея и через пять минут уже знал, зачем Алексей приехал в спортивную школу, где и как он учится, чем занимаются папа и мама и, вообще, к чему надо стремиться в жизни. Мгновенно оценив достижения Алексея в спорте, его сообразительность и отсутствие ненужных комплексов, хорошие семейные данные, Маркарян предложил Алексею попробовать обратиться в другую приемную комиссию.

– Тебе повезло. Я заместитель директора специнтерната, который готовит молодых людей для ряда элитных высших учебных заведений. Спортшкола тебе даст возможность поступать в обычные вузы или в институт физкультуры, а наш интернат – в элитные институты, о которых молодой человек может только мечтать, – сказал Маркарян и, улыбнувшись, добавил. – Ну что, по рукам?

Алексей почувствовал, что «Его Величество Случай» обрел личину доброго случая, но сказал с подкупающей простотой:

– А можно, я с папой посоветуюсь?

– Даже необходимо посоветоваться и с папой, и с мамой. Имей в виду, что я предлагаю тебе только обратиться в приемную комиссию нашего интерната, а там уж они будут решать, годишься ты для учебы или не очень. Вот тебе телефон приемной комиссии, позвони завтра или послезавтра, но не позже. Скажешь, что Маркарян тебе посоветовал к ним обратиться.

Интересно, что Георгий Ашотович формально был действительно заместитель директора специнтерната, в чем Алексей убедился позже, однако его роль в кадровых службах специальных ведомств была гораздо выше, о чем свидетельствовали события дальнейшей карьеры Алексея.

На протяжении многих лет, задумываясь над хитроумными задачками, которые жизнь подсовывала ему и его близким, Алексей изумлялся той роли, которая была отведена случайности в жизни людей и вообще в мироздании. Его занимал вопрос, что было бы, если... Что

было бы, если бы он не встретил Маркаряна? Ведь их встреча не состоялась бы, если бы кто-то из них задержался или наоборот поторопился всего на одну-две секунды. А что было бы, Господи, если бы ту ржавую железку кто-нибудь убрал бы с тротуара во дворе? Как бы сложилась жизнь, если бы Алексей, преодолев неловкость, все же познакомился с той девушкой-продавцом? А как быть с огромным количеством случайных обстоятельств, которые не так уж явно, хотя кто это знает, повлияли на судьбу Алексея.

Много позже своих случайных встреч и событий в молодости будучи уже вполне сложившейся личностью Алексей встретил чрезвычайно интересных и глубоких людей, в спорах с которыми каждый раз возникало отрицание известного восклицания Альберта Эйнштейна «Бог не играет в кости!».

Разговор с родителями был не простым. После рассказа Алеши о своих неожиданных планах и, более того, действиях и отец, и мать были просто в шоке. Мама вообще считала, что Георгий Ашотович – либо аферист, либо маньяк. Отец был несколько обижен тем обстоятельством, что родной сын, доверительные отношения с которым он так бережно выстраивал, не счел нужным даже посоветоваться с папой.

– Так ты говоришь, Серега тебя надумил пойти в спортшколу? Это его идея, что спорт лучше иностранного языка? – задавал вопросы Николай Львович.

– Слушай, пап, у меня с английским нет никаких проблем, базовый уровень, который дала наша спецуха с интенсивным английским, просто отличный. С этого уровня при необходимости я освою язык в совершенстве за какие-нибудь месяцы. А я хочу, как ты, стать офицером, а потом генералом или адмиралом. А для этого нужна хорошая физическая подготовка, – рассуждал вслух Алексей.

– Ну что ты несешь? Какая физическая подготовка? У меня, например, абсолютно обычная подготовка, даже ниже обычной. Я всю жизнь терпеть не мог спорт, однако это не помешало мне прослужить офицером почти сорок лет и дослужиться до адмирала. И этот Серегин бред подвигнул тебя не только на обдумывание каких-то планов втайне от родителей, но и на активные действия?!

– Кто этот Георгий Ашотович? С чего ты решил, что это порядочный человек? – включилась в персональное дело сына мама. – Судя по тому, что он заговаривает с незнакомыми юношами, это какой-то, мягко говоря, странный тип. Николай, ты можешь проверить, что это за интернат и что это за Маркарян в этом интернате?

– Сынуля, ты говоришь, он тебе дал какой-то телефон? Давай-ка я действительно проверю, что это за телефон, чтобы ты понял, что не все в жизни так просто, как тебе кажется.

– Да ради Бога, проверяй! Если бы ты с ним поговорил, то сразу же понял бы, что это нормальный хороший мужик, по-моему, даже очень хороший.

Николай Львович позвонил по номеру телефона, который дал Алексею Маркарян, представился, объяснил ситуацию. Он с удивлением услышал, что это действительно номер телефона приемной комиссии специнтерната, что Маркарян Георгий Ашотович действительно работает заместителем директора интерната и что, если Георгий Ашотович рекомендовал сыну Николаю Львовичу поступать в интернат, то в приемной комиссии готовы предоставить бланки приемных документов для заполнения и последующего рассмотрения.

Алексей был в восторге, глядя на растерянные лица родителей. Николай Львович сказал, что один телефонный звонок ничего не значит и что он должен навести справки в министерстве через знакомых кадровиков. Только после получения исчерпывающей информации об этом интернате он сможет дать или не дать свое отцовское благословение на этот серьезный шаг в жизни сына.

Старший брат Алеши Сергей отнесся к этой истории философски спокойно. Он заявил, что человеческий путь зависит от стольких случайностей, что вопрос поступления или непоступления Алеши в какой-то там интернат не сильно повлияет на будущую карьеру брата.

– Делай, брательник, то, что тебе нравится, то, к чему душа лежит, а результат зависит от многих факторов, но в первую голову от тебя самого, от твоих качеств. А их, этих качеств, у тебя хватает! – изрек брат.

Алексей резонно решил, что Сергею сейчас не до метаний младшего брата. Он только что окончил медицинский институт, женился, переехал в двухкомнатную квартиру, стал папой, и ему с высоты своего уже совершенно взрослого положения легко было рассуждать о планах брата-школьника.

Через несколько дней Николай Львович рассказал, что он узнал в министерстве. Интернат действительно существует, причем не просто интернат, а самый «крутой» интернат в стране, в котором готовят ребят для поступления в элитные высшие учебные заведения, связанные с военной дипломатией и разведкой.

– В общем, твоя, сынуля, в буквальном смысле слова случайная встреча может стать для тебя счастливой или не очень. В любом случае, если тебя возьмут в интернат, ты получишь очень хорошую подготовку практически в любой вуз или академию. Так что мое мнение – пробуй.

После поступления в специнтернат жизнь Алексея кардинально изменилась. Курсанты, так солидно назывались ученики интерната, жили и учились в помещении интерната с понедельника по субботу, и только с субботнего вечера по утро понедельника курсанты-москвичи отпускались домой.

С первых же дней учебы Алексей понял, что он не самый умный и не самый сильный мальчик, как он привык считать, а есть, оказывается, ребята и поумнее, и посильнее него. Интернат, в котором учились ребята с четырнадцатилетнего возраста, требовал полной отдачи всех физических и моральных сил. Чего стоит одно расписание: от подъема в шесть утра до отбоя в десять вечера день пролетал на одном дыхании.

Учеба поначалу представляла собой смесь общеобразовательной программы с усиленным изучением английского языка, с физической подготовкой по всем мыслимым видам спорта, а также с такими необычными для школьной учебы предметами, как психология силового воздействия на человека, методы выживания в экстремальных условиях, тренировка и развитие различных видов памяти.

По субботам занятий не было, но домой не отпускали, каждый раз организовывались какие-то культурные или спортивные коллективные мероприятия, типа поездок за город в музей, или поход в театр, или просмотр кинофильма, при этом после подробного обсуждения нужно было написать отчет с анализом увиденного и услышанного. В субботу вечером или в воскресенье утром москвичей отпускали домой к родителям, так как это был абсолютно свободный от всех мероприятий и учебы день. Не москвичи могли проводить воскресенье по их усмотрению. Однако курсант обязан был вернуться в интернат до отбоя.

К каждому курсанту был прикреплен куратор – преподаватель. У Алексея это был преподаватель математики Николай Николаевич Филин – средних лет лысеющий мужчина, по южному растягивающий слова и произносящий букву «г» на украинский манер. На взгляд Алексея это был вполне вменяемый, толковый человек, желающий оказывать помощь своему курсанту в любых вопросах текущей жизни.

Самыми захватывающими периодами учебы были поездки в зимний и летний лагеря, когда ребята выезжали в загородный филиал интерната, расположенный в девяноста километрах от Москвы. Три недели зимой и два месяца летом – никаких общеобразовательных дисциплин, только так называемая спецподготовка. Многочасовые изнуряющие занятия по акробатике, рукопашному бою, стрельбе из многих видов оружия, многокилометровые кроссы по лесам и заплывы на длинные дистанции, прыжки с парашютом, многодневные лесные походы без каких-либо средств жизнеобеспечения – всё это было очень тяжело и в то же время захватывающе интересно.

Алексей, впрочем как и его товарищи по учебе, осознавал, что из него готовят специалиста весьма необычного, способного на очень сложные, почти невероятные действия: от ведения боя с голыми руками против группы вооруженных людей до выживания в экстремальных ситуациях без воды и пищи и с необходимостью преодолевать огромные расстояния по суше и воде в скрытном режиме. При этом ребята понимали, что интернат – это только подготовка к настоящему овладению специальностью. Было понятно, что, если название будущей специальности и банально – то ли диверсант, то ли разведчик, в любом варианте дальнейшей специализации из них готовили неких элитных суперменов. Впрочем, почему «суперменов»? В интернате была женская группа, состоящая из нескольких девочек. Частично они учились вместе с мальчиками, но довольно существенная часть занятий была раздельной. Однако в лагере девочки преодолевали те же нагрузки, что и мальчики, а иногда и более успешно.

Отношения ребят с девичьей частью интерната складывались самые товарищеские, без какого бы то ни было намека на возможные романтические контакты. Сложная и тяжелая учебная программа таким прессом ложилась на мальчишек и девчонок, что они воспринимали друг друга просто как курсантов, совместно преодолевающих препятствия и выполняющих общую, порой непосильную работу. Летняя лагерная жизнь в лесу прекрасно располагала бы к взаимному и вполне естественному влечению, если бы не отбирающие все физические и душевные силы учебные задания и мероприятия, которые могли бы стать абсолютно непосильными даже для взрослых людей.

И все же природа брала своё! Несмотря на физическую усталость, интерес к женскому полу не ослабевал. Первая близость с женщиной в пятнадцатилетнем возрасте вместе с чисто практическим опытом принесла и моральное удовлетворение, связанное с ощущением возросшего самоуважения. Это была врачиха Валентина, работавшая в летнем лагере, куда курсант Корноухов впервые прибыл после поступления в специнтернат. Ей было лет двадцать пять, и Алексей воспринимал её как взрослую тётю, довольно привлекательную и общительную. На одном из медицинских осмотров Валентина шепнула Алексею, что она дежурит сегодня и чтобы он зашел в медчасть после окончания учебного дня.

– А что, у меня что-то не в порядке? – спросил удивленный Алексей, с опозданием понимая весь идиотизм своего вопроса.

Валентина скорчила скептическую рожицу и свистящим шепотом сказала, что после девяти вечера он может приходить в любое время.

Кабинет дежурного врача был мягко освещен настольной лампой, прикрытой каким-то журналом. Валентина была в белом врачебном халате, одетом на голое тело, что сразу бросилось в глаза и заставило Алексея густо покраснеть. Он не очень ловко поцеловал её в щеку, а потом в губы. Халат запахнулся, и первое, что ему бросилось в глаза, были крупные груди с неожиданно огромными сосками, окруженными небольшими редкими волосками. Валентина деловито потащила его на топчан, покрытый белоснежной простыней, собственной рукой нетерпеливо расстегивая ему брюки.

– Я сам, – пробурчал Алексей и быстро по-военному разделся.

Увидев обнаженную Валентину, лежащую на топчане, он бросился к ней с поцелуями. Что делать дальше, он не очень представлял, но Валя была опытной и ласковой. Все произошло очень быстро к взаимному удовольствию, как подумал Алексей. Он еще не знал, что для женщины быстро, не значит хорошо. Тем не менее, Валентина была довольна, нежно целуя Алексея и шепча ему на ухо свои ласковые слова.

Алексей ушел с чувством выполненного долга. Они договорились, что увидятся через несколько дней, когда Валя будет дежурить в следующий раз. Так и повелось, каждое своё дежурство Валентина его ждала в своем белом полупрозрачном халате, и Алексей постепенно осваивал на практике науку любовных ласк.

Хорошо продуманное и постепенное обучение преодолению любых, порой весьма неожиданных трудностей шаг за шагом превращало детей в умелых и хорошо подготовленных молодых людей с твердой волей, острым умом и мощными мышцами.

Далеко не все выдерживали этот сумасшедший учебный ритм, и некоторые курсанты отчислялись, кто по собственной инициативе, а кто и по решению руководства интерната. Из группы, сформированной в начале учебы, менее половины заканчивали интернат.

За время учебы Алексей несколько раз встречался с Маркаряном, каждый раз неожиданно для Алексея. Обычно Маркарян появлялся в интернате во второй половине дня в одну из суббот, общался с курсантами и преподавателями, обсуждал с ребятами их сиюминутные проблемы, был очень прост и интересен в общении. Алексей чувствовал определенный интерес к себе со стороны Маркаряна, который внешне вроде бы и никак не выделял Алексея при общении с курсантами. Но ощущение некой заинтересованности к себе он интуитивно чувствовал. Это было похоже на ощущения, связанные с отцом, хотя и не совсем такие же, поскольку отцовское отношение к нему было очевидно основано на сильной, но вполне объяснимой любви к собственному ребенку. Георгий Ашотович был абсолютно чужим дядей, и все же Алексей всей своей кожей чувствовал некое позитивное отношение к себе.

Окончательно стало понятно, что Маркарян выделяет Алексея из общей массы курсантов, когда в июне, за месяц до выпускных мероприятий интерната, он приехал в лагерь. Коротко переговорив с начальником лагеря, пообщавшись с куратором Алексея Николаем Николаевичем, все оставшееся время до вечера он провел с Алексеем в беседах об учебе, о дальнейших планах, о жизни вообще. Несмотря на значительную разницу в возрасте, Алексею было легко с ним общаться. Маркарян прямо ему сказал, что считает его одним из самых перспективных курсантов и рекомендует ему поступать в определенное училище, которое занимается подготовкой разведчиков «высшего пилотажа», этаких российских Джеймсов Бондов. Алексею было приятно слышать от этого довольно таинственного человека, занимающего, по видимому, весьма высокое положение в спецслужбах страны, высокую оценку своих потенциальных возможностей.

Поступление в училище носило формальный характер. Алексей был отлично подготовлен в интернате, и вписаться в учебный процесс для него не составило особого труда. Среди изучаемых предметов было много тех же, что и в интернате, однако на более интенсивном и глубоком уровне. Кроме того, появилось много новых дисциплин, охватывающих большой спектр знаний и умений, – от экономики и финансов до юриспруденции, ораторского, а даже актерского искусства. Из необычных дисциплин Алексею нравилась психология межличностных отношений, включающая такие элементы, как техника создания доверительных отношений, тактика допросов для допрашиваемого и дознавателя, методы создания психологических установок. Боевые дисциплины с каждым годом учебы становились все изощреннее. Были очень неприятные предметы, например, методы болевых воздействий на противника при экстренных допросах или другие, мягко говоря, не очень гуманные дисциплины. Но будущая профессия требовала таких специфических знаний и умений, что приходилось принимать эти не очень приятные предметы как абсолютно необходимые.

Ритм жизни Алексея значительно изменился. С одной стороны, стало легче, потому что он жил дома, а не в казенном, хотя и комфортном доме интерната. С другой стороны, интенсивность учебы была такова, что времени не хватало даже на элементарный сон. Отец говорил, что Алексей переживает самый счастливый студенческий период жизни.

«Если это самый счастливый период жизни, когда единственным желанием, оттесняющим все остальные, является желание поспать, – думал Алексей, чувствуя усталость каждой клеточкой организма, – то что же тогда несчастный период?»

Особое место в учебе занимала так называемая «практика» с выездом в зимние и летние лагеря, расположенные в разных регионах, довольно далеко от Москвы. В лагерях отрабатыва-

лись навыки, связанные с физической и моральной подготовкой в различных экстремальных ситуациях. Главным элементом всех тренировок было постепенное овладение техникой выживаемости в различных климатических и социальных условиях. Это были леса и горы, моря и пустыни, деревни и города. В разных по численности группах и в одиночку курсанты получали неожиданные задания, выполнение которых требовало быстрых скрытных передвижений на огромные расстояния, преодоления горных хребтов, десятков километров вплавь, без запасов еды и воды, через населенные пункты различного масштаба, без денег и документов.

Это был последняя преддипломная летняя практика. Алексей с тяжелым сердцем уезжал из Москвы. Светлана была почти чужим человеком и почти не скрывала радости, которую доставлял ей Алешин отъезд. Доченька еще мало что понимала, но папку очень любила, и Алеша почти физически ощущал боль предстоящей длительной разлуки с дочерью. Но дело – прежде всего. Так его учил с ранних лет отец, так его учили все его учителя и наставники.

Нынешний летний лагерь располагался в весьма безлюдном районе северного Урала, где до ближайшего населенного пункта было довольно долго ехать, а не то чтобы идти. Суровая окружающая природа обладала зачаровывающей красотой горных хребтов и перевалов, речушек и рек побольше с ледяной водой и быстрым течением, густых, казавшихся непроходимыми лесов и необыкновенных цветовых сочетаний каменных утесов и покрытых зеленью холмов. По словам местного персонала поблизости не было ни одного нормального населенного пункта, кроме щедро разбросанных лагерей особого режима для заключенных, совершивших особо тяжкие преступления. В общем, «чужое местечко», как подумал про себя каждый из вновь прибывших курсантов.

Прошлогодняя летняя практика, впрочем, тоже ничуть не напоминала отдых. Их попросту направили в сержантскую школу армейского спецназа под Смоленском, где они должны были получить закалку реальных тягот и испытаний в системе военного обучения, организованного весьма близко к боевым условиям. Эта система обучения предусматривала невыносимую жизнь как по бытовым условиям, так и по человеческим отношениям. Тяжелейшие физические нагрузки, постоянная опасность быть искалеченным, а то и жизни лишиться, издевательства старослужащих, уже закаленных на полях сражений – все это сделало бы невозможным достойное существование обычных молодых людей. Но курсанты училища, по легенде прибывшие в сержантскую школу спецназа из обычных армейских частей, были уже довольно хорошо подготовлены и физически, и морально. В первую же неделю старослужащие и командиры поняли, что контингент попался какой-то необычный, а еще через некоторое время после буквально кровавого мордобоя между группой «стариков» и вновь прибывшими старослужащие вообще увяли. Два «старика» попали в медсанчасть с травмами средней тяжести, а новички отделались легкими ссадинами и несколькими порезами. Алексей получил отметину на всю жизнь в виде заметного шрама на левом плече. Через два месяца, после отъезда необычной группы в связи с окончанием сержантской школы, ее руководство вздохнуло с облегчением, так как жизнь вошла в привычную колею армейской рутины.

Задача этого уральского лагеря была иной. Здесь отрабатывалась способность курсантов выполнять максимально приближенные к жизни разведывательные задания, связанные с экстремальными условиями, которые просто непреодолимы для обычных людей. Это голод, жажда, холод, цейтнот, скрытность передвижений, необходимость входить в доверие и получать помощь от первых встречных людей, выполнять необычные операции практически на глазах у окружающих. Курсантов всегда сопровождал инструктор, но его роль была весьма специфична. Он абсолютно не вмешивался в ход выполнения задания, практически ни с кем не общался, разве что при острой необходимости, был глух и нем, но при этом выполнял две очень важные функции. Он тщательно следил за всеми деталями поведения каждого курсанта с целью оценки выполнения учебного задания, а также он имел возможность активно вмешаться в процесс при экстремальных ситуациях, угрожающих здоровью и жизни курсантов или так

называемых третьих лиц, то есть всех тех, с кем судьба сводила группу по ходу выполнения задания.

Сценарии предусматривали возможность экстренной связи с учебным центром, но такая связь означала невыполнение задачи, то есть, по-шпионски выражаясь, провал. В населенных пунктах курсантам были необходимы недюжинные актерские способности. При неизбежных контактах с местным населением они изобретали всевозможные истории, которые должны были мотивировать их, мягко говоря, не местный вид, а иногда и просто вид людей, вышедших из леса, что было абсолютной правдой. Они должны были чем-то питаться, что в лесу, или на море, или в горах можно было как-то организовать. Тем более что они проходили подробный теоретический курс выживаемости в экстремальных условиях. Но одно дело – теория, а другое – практическая проверка всего того, чему их учили. Например, нужно за трое суток, преодолев горный перевал, переплыв морской залив и добравшись до нужного города, найти человека по его адресу или, что сложнее, по фамилии и имени, которому следует передать то, что нужно передать. Или нужно найти какую-нибудь организацию, на территории которой необходимо осуществить какие-то мероприятия. При этом любое попадание в поле зрения правоохранительных органов является по определению провалом. Как, каким образом после марш-броска через горы и морской залив войти в город и не вызвать подозрения местных граждан? Как найти нужного человека в этом довольно немаленьком городе, не зная его адреса? Как при этом по ходу дела что-нибудь поесть и попить, не имея ни гроша в кармане? И как все это сделать за отведенные три дня?

Алексей, практика которого заканчивалась через неделю, был назначен старшим в группе. В ее состав вошли Алешин сокурсник Виталий и сокурсница Вета, у которых практика только начиналась. Вместо свободного часа перед отбоем ребят вызвал руководитель практики, довольно уже пожилой и умудренный опытом дядька, и вручил секретное предписание. Им надлежало немедленно пройти по маршруту, показанному на карте, добраться до города N, прибыть к определенному дню и часу на вокзал для встречи с человеком, который даст им необходимую аппаратуру, которую им надлежало тайно заложить в определенном месте охраняемого предприятия «Вымпел». После всего этого они должны были немедленно скрыться из города, предварительно связавшись по обычной телефонной связи с человеком для получения дальнейших инструкций. Все задание необходимо было запомнить, поскольку ни карту маршрута, ни какие-либо другие детали они по соображениям конспирации не могли ни взять с собой, ни записать.

Для Алексея это было не первое учебное задание, а ребята дебютировали, поэтому и реакция у них была разная. У ребят загорелись глаза, и было понятно, что они в восторге от возможности принять самое непосредственное участие в детективно-шпионском сериале под названием «учебное задание». Алексей уже знал, как тяжело дается практическая проверка теоретических знаний, и был собран и сосредоточен.

Курсанты многократно на практике отрабатывали технику так называемого «фотографического» запоминания любой информации – устной, письменной, графической. Учитывая чрезвычайную важность точного запоминания маршрута, конкретных часов и минут того или иного события, номеров телефонов и прочей информации, поскольку малейшие ошибки могут привести к непоправимым последствиям, Алексей прежде всего убедился, что каждый член группы запомнил все детали задания. Евгений Васильевич – инструктор, сопровождавший группу, – имел радиотелефон, по которому он мог в любую минуту в случае необходимости связаться с дежурным по лагерю. Но любая связь с дежурным означала провал операции и могла привести к соответствующим выводам по прохождению дальнейшей учебы. Ребята это хорошо понимали. И всё же наличие радиотелефона грело душу: «Уж в крайнем случае не пропадем».

Выходить пришлось немедленно в ночь, потому что каждая минута была на счету. Алексей сразу же предложил пробежаться километров двадцать до предгорья, затем поспать где-нибудь часа четыре, а затем, раздобыв что-нибудь съестное, приступить к покорению горных вершин. Так они и сделали. Кросс дался им не очень сложно, многолетние тренировки давали возможность довольно быстро бегать часами без особого напряжения. Евгений Васильевич был очень хорошо подготовленный в спортивном отношении мужчина, и, как показала вся непростая история этого задания, он был профессионал высшей пробы. По сценарию задания он полностью подчинялся старшему группы, то есть Алексею.

Стремительный бросок сэкономил им часа два, и Алексей решил, что они могут себе позволить подольше поспать, хотя холод был собачий, а конспирация на хорошо просматриваемой равнинной местности не позволяла разводить костер. Они проспали, скрывшись в кустах, в общей сложности шесть часов, через каждые два часа кто-то из курсантов не спал, охраняя группу.

Проснувшись и приведя себя в порядок (мальчики налево, девочки направо), они пошли дальше, считая, что озаботятся пищей после горного перехода, который должен занять не больше одного дня.

Переход в горах был испытанием не из легких даже для таких тренированных ребят, как курсанты пятого курса спецучилища. Главной проблемой был жесткий цейтнот из-за необходимости закончить преодоление горной части маршрута в течение светового дня. В темноте в горах передвигаться нельзя, и в случае, если они не успеют засветло закончить свой горный маршрут, придется заночевать в горах и, таким образом, потерять драгоценное время.

Совершенно изможденные, они вышли на равнинный участок, а в качестве награды вдалеке просматривался берег реки, обещающий отдых, воду, а может быть, и пищу. Ловить рыбу умели все, хотя и было понятно, что это занятие весьма непростое без рыболовных снастей. Лесные ягоды и грибы тоже имелись в наличии, таким образом, каждый из наших «путешественников» уже планировал добрый ужин. При внимательном осмотре окрестностей стало понятно, что где-то рядом присутствуют люди, возможно, даже какое-то стационарное поселение. Ребята знали, что вдоль реки должны быть разбросаны участки леспромхоза, занимающиеся лесозаготовками и сплавом леса по реке. Любая встреча с населением могла создать некоторые трудности, но и сулила простой и такой заманчивый вариант получения питания. Через десять минут они увидели длинные деревянные бараки и нос к носу столкнулись с двумя мужиками в сапогах и защитного цвета рабочих одеждах. Алексей немедленно начал заранее заготовленную интермедию под названием «мы сами не местные». Поддерживая своего старшего, вся группа выражала бурную радость от встречи с живыми людьми. Алеша очень убедительно рассказал, что группа студентов-исследователей культуры Северного Урала из Москвы заблудилась в горах, потеряла из-за оползня свои рюкзаки с пищей, документами и личными вещами и мечтает добраться до своего штаба, который находится в городе N. Он постоянно перемежал свой рассказ восклицаниями типа «Господи, какое счастье, что мы вас нашли!», а также «Господи, как же мы проголодались!».

– Дык, N-то верст за сто сорок отселева будет, как же вы добираться хотите? – недоверчиво спросил один из мужиков, белобрысый, загорелый, в годах, мокро прокашливаясь и переглядываясь с другим, который не мог никак убрать удивления с лица. Похоже, они практически никогда не встречали здесь заезжих, тем более столичных гостей.

– Да нам бы перекусить чего-нибудь, а там мы как-нибудь доберемся.

– Ну, пошли в контору, там начальник решит, чего и как.

Деревянный барак с выцветшей вывеской «Контора 7-го участка леспромхоза «Северный» имел вид блеклый и несолидный. Острый, но приятный запах древесины и опилок витал в воздухе.

Начальник участка сидел за маленьким письменным столом, совершенно не гармонировавшим с остальным интерьером комнаты, заваленной сапогами, телогрейками и еще бог знает каким бараклом. Это был молодой еще человек, лет под тридцать, он совершенно не удивился встрече с группой москвичей в этом, как он выразился, «богом забытом месте».

– Связи нет ни хрена, позвонить не могу, ночевать можете в шалаше, а пожрать чего-нибудь организуем. Федя, – обратился он к белобрысому, который годился ему в отцы, – давай, сбегай к Полине, скажи, чтобы хлеба и еще чего соорудила.

– Степан Ильич, может ухи разогреть, что с обеда осталась? – спросил Федя и, увидев усталый кивок начальника, быстрым шагом почти побежал к Полине.

– Везучие вы, москвичи, – изрек Степан Ильич, – на нас наткнулись, а что, если бы не на нас? – многозначительный взгляд обвел присутствующих.

– А на кого, неужто медведи здесь водятся? – то ли шутливо, то ли серьезно произнес Алеша.

– Здесь пострашней водятся. Семь лагерей для особо опасных преступников. Каждый месяц какая-нибудь сволочь сбегает. Внутренние войска на ушах стоят, прочесывают наши леса, равнины и поля. Два дня назад опять ориентировка пришла – целая группа сбежала, возможно, что и с оружием. Как будто мы что-нибудь можем! А что мы можем – без оружия да с отморозками.

Кого называл Степан Ильич отморозками, то ли сбежавших заключенных, то ли работников вверенного ему участка, было не очень понятно. Он еще раз внимательно обвел взглядом группу и, улынувшись, сказал:

– Вижу, вижу, что москвичи. Вы не обижайтесь, до города немедленно добраться помочь не могу, катер придет послезавтра, так что придется подождать.

– А мы не можем ждать, – затараторила Вета, – ведь там волнуются, уже в Москву, наверное, доложили. А нам ведь надо организовать поиск потерянных документов, а может, и не надо. Они ведь восстанавливаются? А вы можете нас как-нибудь на другой берег переправить?

– Ну, переправим на двух лодках, а дальше что?

– А дальше как-нибудь доберемся, главное – водную преграду преодолеть, – включился в дискуссию Виталик.

– А вы кто будете? – спросил Степан Ильич, глядя на инструктора группы.

– А я преподаватель, сопровождаю студентов, это ведь у нас практика такая, – почти не погрешив против истины, ответил Евгений Васильевич.

В этот момент в комнату вошла пожилая женщина, по-видимому, Полина. Она прижимала одной рукой к телогрейке две больших буханки хлеба, а в другой держала котелок, из которого шел невероятно аппетитный запах ухи.

Почти физически чувствуя головокружение, ребята расположились на лавках за большим столом, предназначенным теоретически для заседаний, а практически заваленным стопками каких-то пожелтевших бумаг, папок и каким-то еще бараклом, основным элементом которого были брезентовые рукавицы.

Съев все до последней крошки, кроме оставленной про запас полбуханки, ребята благодарно посмотрели на хозяина кабинета, который, не обращая внимания на гостей, что-то в полголоса обсуждал с Федей, который кивал головой почти после каждого слова начальника.

– Огромное-преогромное спасибо, вы спасли нас от неминуемой голодной смерти, – поблагодарил Степана Ильича Алексей.

– Я никогда так вкусно не ела, – совершенно искренне сообщила Вета.

– На здоровье, – ответил Степан Ильич, – ну а теперь спать, в шалаш вас Федя проводит, темень кромешная, так что завтра все решать будем, утро вечера мудренее, как говорится.

Шалаш был большого размера и предназначался то ли для складирования каких-то предметов, требующих защиты от дождя, то ли еще для чего-либо. Во всяком случае, это было гораздо лучше, чем сон под открытым небом.

Назначив очередность двухчасовых дежурств, Алексей первым остался бодрствовать. План дальнейших действий был прост. На рассвете определиться с лодками и постараться переправиться на другой берег, а там опять марш-бросок вдоль берега километров двадцать пять до деревни Селезнево, опять легенда о москвичах-студентах и любыми правдами и неправдами добираться до N.

Утром чуть свет, перекусив оставшейся с вечера полубуханкой хлеба, аккуратно разделенной на четыре части, они бесшумно спустились к реке и обнаружили целый баркас, вполне способный вместить человек шесть. Рядом в будке спал мужик, которого они уже знали по первой встрече, когда они столкнулись с ним и великовозрастным Федей. Алексей разбудил мужика и сообщил ему, что нужно срочно сниматься с якоря. Мужик замотал головой, совершенно не понимая, что от него хотят. К нему вернулось вчерашнее выражение лица, отражающее крайнее изумление. Весла лежали здесь же в будке. Нужен был только ключ от ржавого замка, запирающего цепь, которая соединяла баркас с массивным крюком на берегу. Мужик посмотрел на четыре пары глаз, смотрящих на него, и, бормоча себе под нос что-то вроде «вот Степан Ильич разберется-то, вот разберется...», достал из кармана телогрейки огромный ключ.

– Слушай, мужик, будь другом, поплыли с нами. Нам ведь только на другой берег, мы доплывем, а ты баркас обратно перегонишь, а? – Алеша вложил в свой голос всю теплоту и убедительность, на которую был способен.

Мужик оказался сообразительным, он вскочил на ноги, буркнул «сразу надо было говорить», взял весла и пошел к баркасу. Виталик взял вторую пару весел, и вся компания дружно погрузилась на плавсредство. Через двадцать минут они были на другом берегу, высадились и вежливо поблагодарили своего перевозчика.

– Ну что, кросс до деревни. Все готовы? Вперед, – бодро скомандовал Алексей.

Бежали легко. Алексей рассчитывал добраться до деревни через часа три. Серое свинцовое небо не предвещало ничего хорошего. И действительно, через час-полтора после начала пробега начался довольно сильный дождь, бежать стало труднее. После десятиминутного привала на опушке леса они углубились в него, чтобы примерно через час добраться до желанной деревни.

Первым дымок костра увидел Виталик, а затем сразу же и все остальные. Они немедленно остановились и тихо, стараясь не обнаруживать себя, пошли к костру, чтобы понять, с кем их свела судьба в этой чащобе, где не должно быть, по идее, никого.

– Руки! – услышали они грубый окрик. Алеша обернулся и увидел нереальную картину: в спину Евгения Васильевича упирался боевой автомат Калашникова, который держал в руках здоровенный детина. Евгений Васильевич медленно поднял руки и также медленно обернулся. Со стороны костра к ним подбежали еще два человека, у одного из них в руках был топор, у другого – нож. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что рассказ начальника участка о сбежавших заключенных – отнюдь не сказка, а совершеннейшая действительность. Причем действительность, реализуемая по самому плохому сценарию. Мелькнувшая у Алеши мысль, а не часть ли это учебного задания, была тут же оставлена, уж слишком реалистично было все происходящее.

Все дело портил автомат, ствол которого упирался в спину инструктора. Справиться с троицей вооруженных топорами и ножами отмороzków для ребят, прошедших все премудрости техники рукопашного боя с превосходящим по численности вооруженным противником, было дело, можно сказать, обыденное. Но ситуация принципиальным образом оставалась для ребят угрожающей, пока в руках бандита был автомат, упиравшийся в спину одного из членов

группы. Конечно, он мог быть без патронов, конечно, Евгений Васильевич, не менее тренированный, чем ребята, человек, мог бы попытаться завладеть автоматом или выбить его из рук бандита, но риск был неоправданно велик.

– Во, бляха-муха, и девка с ними! – воскликнул низенький неопределенного возраста уголовник, поигрывая ножичком в руке. – Вы кто ж такие, откуда и куда?

– Заткнись, Спица, – приказал детина с автоматом. – Сизый, обыщи этого фраера, – взглядом показывая на Евгения Васильевича, обратился он к мужику с топором, лицо которого было действительно с каким-то сизым отливом.

– Мужики, вы чего, мы же студенты из Москвы, – начал было примирительным тоном разговор Алексей.

– Молчи, сука, – зашипел бандит с ножом, – молчи, пока не спросили.

В этот момент Сизый, воткнув топор в дерево и быстро обшарив Евгения Васильевича, обнаружил радиотелефон.

– Во! – он протянул телефон детине, который инстинктивно взял протянутый ему красивый телефон, ослабив захват автомата.

Инструктор среагировал мгновенно, продемонстрировав высший пилотаж. Едва уловив движением туловища он ушел из-под дула автомата, одновременно произведя два резких и мощных удара: одной рукой выбив автомат из руки бандита, а другой по его шее. Детина рухнул на землю, как подкошенный. Мгновением позже вся группа, застывшая поначалу в немой сцене, пришла в движение. Алексей одним ударом ноги положил Сизого рядом с его сотоварищем. Вета легко, даже изящно вывернула руку с ножом у низенького уголовника. Тот завизжал от боли, выронил нож и попытался отползти в сторону, но получил такой удар, что оставил все попытки к передвижению и, тихо постанывая, лежал, скрючившись на земле. Виталик спокойно забрал нож и топор. Автомат и телефон были уже в руках Евгения Васильевича. Вся операция заняла несколько секунд.

– Не повезло вам, господа уголовники, – произнес Алексей, – злые какие-то студенты вам попались на этот раз.

Детина, начавший приходить в себя, глухо матерился и попытался встать.

– Так, а ну лежать и не двигаться, – командным голосом рявкнул Алексей.

Детина, абсолютно не обращая никакого внимания на команду, продолжал подниматься.

– Ты какой-то непонятливый, – произнес Алеша и легким точным ударом уложил его на землю.

– Ребятки, снимите с них ремни, веревки, шнурки, все, чем можно их связать, – обратился он к Виталику и Вете.

Евгений Васильевич, убедившись в первую очередь, что телефон не пострадал, осмотрел автомат и задумчиво произнес:

– Ну надо же, полностью готовый к бою автомат с полным боезапасом! Где ж вы, сволочи, его раздобыли?

Вопрос был риторический. Все понимали, что автомат был, скорее всего, отобран у конвойного, судьба которого, по-видимому, была не завидна.

Алексей, пока ребята тщательно осматривали экипировку бандитов, а затем связывали им руки и ноги, а Евгений Васильевич внимательно следил за этой процедурой, нацелив автомат на лежавших беглых заключенных, тихо спросил инструктора, что же делать дальше-то. Просто оставлять их связанными в лесу нельзя, они или погибнут, или, как-то освободившись от пут, сбегут. Ни то, ни другое не приемлемо. Можно связаться по телефону с дежурным, доложить о случившемся, затем ждать подхода отряда внутренних войск, но все это означало автоматически провал операции.

– Ты старший, ты и решай, – спокойно сказал Евгений Васильевич.

– Так, подожди-ка пока связывать им ноги, – Алексей перешел на привычный уже командный тон, – пусть доковыляют до костра, а там уж отдыхают.

– Ну-ка, встаем быстренько и к костру, – прикрикнул Виталик, и уголовники, глухо матерясь, поплелись к своему стойбищу.

Устроившись у костра, обездвижив с помощью ремней и веревок захваченных невезучих беглецов, ребята уставились на своего старшего с безмолвным вопросом: что будем делать.

Алексей уже принял решение.

– Виталик с Ветой бегут в деревню и поднимают тревогу – «группа московских студентов задержала в лесу сбежавших заключенных», а мы с Евгением Васильевичем остаемся здесь караулить этих отморожков. Теряем по времени часа четыре, ну пять. Может, военные помогут «героям», задержавших преступников, добраться до их базы в N. Все, ребятки, вперед, – Алеша посмотрел на ребят, на Евгения Васильевича и понял, что его хотя и рискованное, но единственно возможное решение молча принято.

Оставшись у костра, Алексей с Евгением Васильевичем поискали вокруг него, надеясь найти какие-нибудь съестные припасы, но ничего не нашли.

– Что ж вы, без еды, что ли, в бега подались? – спросил с досадой Евгений Васильевич, ни к кому персонально не обращаясь и не надеясь на ответ.

Не прошло и трёх часов, как они услышали приближающийся шум летательного аппарата. Это был большой армейский вертолет, который сделал небольшой круг над их поляной и завис над костром метрах в тридцати по высоте. Повисев с минуту, вертолет переместился в сторону и начал снижение.

Заволновавшиеся было Алексей и Евгений Васильевич поняли, что вертолетчики нашли более комфортное место для посадки. И действительно вскоре на поляну с разных сторон вышла группа хорошо экипированных военнослужащих, вооруженных автоматами и возглавляемых майором, единственным человеком без автомата и без каски.

Последовала резкая команда:

– Оружие на землю, руки вверх!

Евгений Васильевич медленно положил автомат и поднял руки. Алексей положил рядом нож, отобранный у низенького уголовника, и тоже поднял руки. Связанные зеки хмуро наблюдали разыгрывающуюся сцену, не произнося ни звука.

Всех быстро и умело обыскали. Майор разрешил опустить руки и выслушал Алексея, повторившего уже привычную легенду о группе московских студентов. Потом он внимательно осмотрел сбежавших зеков, приказал отконвоировать их в вертолет и взглядом и кивком головы приказал одному из бойцов забрать автомат и нож.

– Документики предъявите, – обратился майор к Алеше и, переведя взгляд на Евгения Васильевича, с легкой иронией спросил.

– А это тоже студент?

– Я преподаватель, сопровождаю группу московских студентов. Мы попали в экстремальную ситуацию, заблудились в горной местности, из-за оползня потеряли имущество и документы, да еще и с бандитами столкнулись в лесу, – спокойно рассказал Евгений Васильевич.

– Ну вы даете! Герои, можно сказать. Как же вы справились с тремя вооруженными рецидивистами? – смесь сдержанного восхищения и недоверия звучала в голосе майора.

– Да повезло нам! Эти придурки спали, автомат валялся бесхозный, а мы подошли тихо и связали их без проблем, – вдохновенно врал Алеша.

– А потом нас четверо, а их трое, численное преимущество, – присоединился к рассказу Евгений Васильевич, – мы двоих послали в деревню, чтобы вам какой-то сигнал подать, ну вот и получилось все хорошо.

– Ладно, свяжусь с начальством, спрошу, что с вами делать, – немного потеплевшим тоном сказал майор.

Он по радиации стал с кем-то связываться.

– Да нам надо срочно в N, на базу нашу, мы бы пошли в деревню к нашим ребятам, а потом бы и до N добрались. А вы ведь сами нашли зеков в процессе поисковой операции, – намекнул Алексей на возможный вариант.

Майор оторвался от радиации, немного подумал, выключил радиацию и сказал:

– Так, места в вертолете для вас нету, так что добирайтесь сами до своей деревни.

Затем, повернувшись к оставшимся на поляне бойцам, скомандовал:

– В вертолет, бегом.

Через несколько минут было слышно, как большая машина набирает обороты, взлетает и удаляется, унося зеков-неудачников, конвой и сообразительного майора, героически поймавшего и обезвредившего беглецов в лесу.

Добраться до деревни, найти ребят, а потом найти оказию и добраться до N было делом простым и уже почти обыденным. Они уже привыкли к постоянному физическому и моральному напряжению, к полуголодному существованию ради одной единственной цели – выполнения учебного задания. Физическое напряжение было связано с постоянным цейтнотом, в котором они были и по замыслу учебного задания, и в связи с непредвиденным столкновением с беглыми зеками. Моральное напряжение исходило от необходимости конспирации, легендирования своих передвижений и вообще своего нахождения в населенных пунктах. В целом, нахождение на нелегальном положении оказалось задачей непростой и мало приятной. Однако задание было выполнено в срок и без существенных замечаний.

Впоследствии, неоднократно вспоминая этот, с одной стороны, тяжелый, а с другой, интересный период в учебе, Алексей задавал себе вопрос, были ли беглые зеки настоящими или это была профессионально выполненная инсценировка в составе изошренного и безжалостного учебного процесса. Ответа он так и получил.

Алексею нравились многие так называемые предметы спецподготовки: вождение всех видов транспорта, включая тяжелые грузовики, военную бронетехнику, элементы вождения тепло- и электровозов, основы пилотирования летательных аппаратов, включая вертолеты и реактивные самолеты, вождение судов, речных и морских, скоростные ралли в экстремальных условиях на автомобилях и мотоциклах. Особое место занимал курс боевого использования всех видов оружия. Причем здесь особый упор делался на слове «всех», поскольку курсант обязан был освоить до степени профессионализма не только различные системы пистолетов, автоматов, винтовок, охотничьих ружей, но и гранатометов, тяжелых пулеметов и скорострельных орудий. Они отрабатывали технику метания холодного оружия, систему применения ядов, основы применения психотропного оружия, средств, применяемых при скрытом слежении, наблюдении и подслушивании. При этом особое внимание уделялось методам противодействия при обнаружении применения этих всех средств против самих себя. В общем, фильмы про Джеймса Бонда казались детскими картинками по сравнению с той реально изошренной и опасной средой, в которую погружались курсанты в процессе овладения своей специальностью.

Несмотря на тяжелую, но захватывающую учебу, молодость брала свое, и Алексей с не меньшим рвением отдавался досугу. Основным методом проведения свободного времени были субботние встречи с Серегой, знакомства, не без помощи более чем контактного своего друга, с девушками, гуляния по ночной Москве, распития каких-то бутылок. Заканчивалось все это обычно богатырским сном дома до позднего воскресного утра, когда мама кормила любимого сыночка сырниками, а папа ворчливо расспрашивал о новостях в учебе. Эти досуговые выходные продолжались недолго, потому что судьба распорядилась так, что Алеша рано женился.

Глава 3

Семейное счастье

Алексей в раннем возрасте почувствовал интерес к противоположному полу. Еще пятилетним мальчиком он играл с соседской девочкой «в доктора», когда они по очереди снимали штанишки и показывали друг другу свои такие интересные различия.

В четвертом классе школьный друг Серега показывал ему неведомо откуда раздобытые фотографии голых женщин.

– Лёха, смотри, что у меня есть! – шипел в ухо Серега и, оглядываясь по сторонам, не выпуская из рук, показывал несколько довольно плохого качества картинок. Алексей чувствовал обжигающий интерес к этим фотографиям. А по прошествии нескольких лет отец в одной из доверительных бесед объяснил, что этот почти болезненный интерес к женскому телу носит вполне естественный характер.

Отец рано объяснил Алексею значение и роль секса в жизни мужчины. Алексею было лет двенадцать, когда он задал какой-то вопрос на эту захватывающую тему. У них с отцом сложились чрезвычайно товарищеские отношения, которые могли конкурировать даже с отношениями между ближайшими друзьями-сверстниками. Конечно, Алексей имел некоторое представление об интимных взаимоотношениях между мужчинами и женщинами в основном по информации, полученной от общения с такими же или чуть постарше мальчиками. Реакция отца на его вопрос его удивила.

– Это огромная и очень важная сфера в жизни каждого нормального мужчины, – сказал отец.

Затем последовал обстоятельный и весьма информативный разговор, из которого Алексей почерпнул много нового и очень интересного.

Уже будучи взрослым юношей, а затем и зрелым мужчиной, Алексей с благодарностью вспоминал беседы с отцом на интимные темы, понимая, каким благом для ребенка были эти тщательно выстроенные отцом доверительные отношения. Нагромождения всей грязи на эту популярную для детей тему, почерпнутые во дворе и в школе, рассеивались, и Алексей с изумлением осознал, что отношения мужчин и женщин занимают большую и очень важную часть жизни людей.

После летнего лагеря, где Алексей проводил такие сладостные минуты, а иногда и часы с Валентиной, их отношения продолжились в Москве, но жизнь жестко поставила перед ними чисто технические препятствия. Эти препятствия без настоящей любви, которой, как показал результат, не было, преодолеть было практически невозможно. Валентина была замужней женщиной за хотя и не очень любимым, но вполне нормальным, а значит, ревнивым мужем. У Алексея был такой плотный график жизни в интернате, что он был не в состоянии подстраиваться под расписание Валентины. Трудно организуемые встречи у Валиной подруги становились всё реже и реже. А тут еще Алексей познакомился с двумя симпатичными девушками, студентками института иностранных языков. Собственно, познакомился сначала не он, а его школьный друг Серега, у которого общительность была, наверное, главной чертой характера. В единственный свободный для Алексея день недели, в воскресенье, они договорились с Серегой пойти в кафе, где и состоялось знакомство. Серега, гордый и какой-то серьезный до неузнаваемости, пришел с двумя симпатичными девушками.

– Познакомьтесь, это Лида и Света, а это мой друг Лёха. Ты учти, Лёха, с Лидой меня познакомила моя мама, а Света – подруга Лиды, они учатся на переводчиков, – произнес Серега солидно.

– Очень приятно. Я чего-то не понял, что я должен учесть, – ответил Алексей, прекрасно понимая, что Лида предназначена Сереге, а он может завоевывать Свету.

Вечер бежал быстро. Алексею нужно было возвратиться в интернат до отбоя, и он понимал, что на романтические прогулки времени у него просто нет. Ему понравилась Светлана, девушка маленького роста с густыми красивыми распущенными волосами и большими голубыми глазами.

«Хорошо, что встретились рано, – подумал он, – сейчас кофе допьем, и я успею её проводить и не опоздаю в интернат».

Отношения со Светой носили какой-то неровный и нестабильный характер. Она была старше Алёши на четыре года. Когда обстоятельства позволили им остаться вдвоем на даче у подруги Светланы, Алексей немедленно предпринял попытку физического сближения и не без удивления обнаружил полное отсутствие сопротивления Светы, с одной стороны, и полное отсутствие у неё соответствующего опыта, с другой. После Валентины Алексей считал себя умудренным огромным опытом зрелым мужчиной, и это его внутреннее убеждение в какой-то мере помогло ему добиться желаемого результата при полной пассивности и неумелости партнерши. Нечастые встречи то в компании общих друзей, то вдвоем иногда прерывались надолго, на недели, а иногда на месяцы, без каких-либо видимых причин. Просто Алексей переставал звонить, а затем при встрече объяснял это жуткой занятостью учебой. Это был период окончания учебы в интернате, поступления и начала учёбы в училище, и действительно Алёша, как он сам любил говорить, «света белого не видел». Правда, это не мешало ему в течение ряда лет завести несколько ничего не значащих любовных связей с девушками, воспоминания о которых таяли моментально по прошествии нескольких дней после окончания их отношений. Таким образом, эти незначительные перерывы в общении со Светой Алёша как бы заполнял общением с другими девушками, каждый раз не выдерживавшими его внутренний экзамен на пригодность к настоящей любви.

Алексей благодаря природным данным и интенсивной физической подготовке в интернате был чрезвычайно привлекательным юношей. Высокий рост, волевое лицо, нос с едва заметной горбинкой, серые глаза, чуть полноватые губы, спортивная фигура с крупными мужскими формами – широкими плечами, плоским животом, узкими бедрами – всё это бросалось в глаза и притягивало женские взгляды. Многомесячные тренировки по акробатике и рукопашному бою придали Алёшиной походке какую-то особую мужскую грацию, напоминающую движения большой, сильной кошки. В сочетании с живостью ума и природным чувством юмора всё это делало Алексея завидным объектом женского внимания. Он отдавал себе в этом отчет, но внутренние нравственные начала, привитые родителями и специфической учебой в интернате, не позволяли ему, что называется, «пойти по рукам».

В какой-то момент уже на втором курсе училища он осознал, что его постоянно тянет к Светлане и что она сама видит в нем того первого, единственного и неповторимого мужчину, с которым хотела бы пойти по жизни. Его несколько смущала некоторая легкость Светланы в общении с окружающими мужчинами. Это была какая-то смесь доверчивости и восторженности. Как-то на одном из обычных молодежных застолий она так разговорилась с совершенно незнакомым новым парнем Димой, что Алексей почувствовал какую-то неловкость ситуации. Дима был высокий остроумный блондин, поющий под гитару походные песни, рассказывающий какие-то смешные истории и анекдоты. Он пришел со своей бывшей женой, с которой они, по его словам, постоянно в стадии развода.

– А мы как раз в стадии романтической любви, – весело сообщила Светлана, глядя на Алексея.

Дима всем понравился, но разговаривал он только со Светланой, которая с энтузиазмом поддерживала с ним беседу. Конечно, все было в рамках приличий, но какая-то излишняя, по мнению Алексея, информационная доступность Светы для совершенно незнакомого муж-

чины оставляла неприятное впечатление. Закончился вечер прилюдным приглашением Димы на день рождения Светланы, что, по мнению Алеши, несколько выходило за рамки формата только что познакомившихся людей. Конечно же, никакого Димы на дне рождения Светы не было и в помине, однако осадок остался.

Алеша понимал, что жениться в девятнадцать лет для мужчины очень рано, что еще не решена куча базовых жизненных проблем от «где жить» до «на что жить», но сладкое чувство подарка любимой женщине себя как необыкновенной ценности не оставляло его.

Отец, сказав все обычные слова, которые мог бы сказать любой любящий отец, о том, что рано, что нужно не торопиться, что неизвестно, куда Алексея занесет его необычная специфическая будущая профессия, закончил неожиданно философским выводом, что браки совершаются на небесах. Алексей это воспринял как благословение и осчастливил Светлану предложением руки и сердца.

Под влиянием отца у Алеши сложился определенный стереотип семейных отношений. Конечно, главой семьи должен был стать Алексей. Он считал себя умным и волевым человеком, в меру консервативным, но в каких-то вопросах весьма свободных взглядов, в частности касающихся сферы любовных отношений. Мимолетные физические измены жене Алексей полагал не только вполне допустимыми, но и почти полезными для брака. Он любил провести время в дружеской мужской компании, но делал это не часто. Материальное положение семьи оставляло желать лучшего – они едва дотягивали до стипендии Алеши и получки Светланы. Родившаяся через год после свадьбы маленькая дочь Леночка требовала постоянного внимания, а жена часто ездила в командировки, являвшиеся предметом зависти всех знакомых. Она после иняза работала в МИДе переводчиком. Денег как таковых это давало мало, зато одно перечисление стран и городов, в которых она постоянно бывала, могло привести к легкому головокружению современников эпохи развитого постбрежневского застоя.

Буквально через полгода после свадьбы Алексей почувствовал, как далека действительность от мечтаний. Они постоянно ссорились с женой. Алексей не чувствовал себя хозяином в семье, что создавало ощущение некоего унижения. Переходящие из дня в день, из месяца в месяц материальные затруднения, усугублявшиеся высокими запросами насмотревшейся заграничного лоска Светланы, создавали негативное напряжение в семье. Даже прямая помощь отца, просто дававшего Алексею время от времени деньги, не в долг, а просто на жизнь, не могла сколько-нибудь серьезно поправить их бедственное материальное положение.

Фундаментально все было не так плохо. У них была двухкомнатная квартира, хоть и маленькая, но в хорошем районе и в хорошем доме. Эта квартира появилась исключительно благодаря усилиям и возможностям Алешиного отца, который через министерство сделал из огромной «адмиральской» квартиры две приличных двух- и трехкомнатные. Света до замужества жила с родителями в комнате коммунальной квартиры, и поначалу переезд с Алешей в отдельную двухкомнатную квартиру казался просто волшебным чудом. Однако к хорошему быстро привыкают, а кроме базовых проблем в жизни существуют повседневные. Постоянные заграничные командировки и участие в переговорах требовали для Светланы соответствующей одежды и украшений, на что денег совершенно не хватало.

Алексей понимал, что единственным вариантом хоть как-то решить их текущие материальные проблемы при полнейшей невозможности каких-либо подработок, несовместимых с учебой в училище, является сокращение затрат. Иными словами, жесткая экономия во всем, во всех повседневных тратах может дать хоть какой-то эффект и даст возможность не залезать в непомерные долги. Алеша так и поступал, не позволяя себе ничего лишнего ни в одежде, ни в еде. Этот принцип резко расходился с умонастроениями Светы, которая не хотела даже обсуждать, где взять деньги, а просто тратила все, что получала на своей работе только на себя, в основном, на свою одежду. Это не могло не вызывать раздражения Алексея, который

из фруктов мог себе позволить яблочные очистки, получаемые после приготовления тертого яблока для доченьки.

Да и в межличностных отношениях появились серьезные проблемы. Трудно было найти вещь, на которую бы их взгляды совпадали. Это касалось как мелочей, так и глобальных вопросов жизни. Алексей удивлялся чрезвычайно жесткому отпору со стороны жены по всему спектру жизненно важных вопросов – от «кто должен стирать» до «надо ли вступать в партию и почему». Единственным, но весьма прочным цементирующим звеном была их маленькая Леночка. Но даже она, а её Алексей любил просто животной любовью, не могла удержать их от почти постоянных скандалов.

Много позже Алексей понял, что они с женой попросту не любили друг друга и будучи весьма разными по мировосприятию людьми были фактически обречены на разрыв. Эту неизбежность разрыва отношений, возникшую очень скоро после свадьбы, сдерживала и откладывала любовь к дочке. Кто знает, сколько бы еще тянулся этот определенно неудачный брак, если бы не страшные события, перевернувшие всю жизнь этой семьи, произошедшие, когда Леночке было всего три года.

Тяжелая и неотвязная мысль пульсировала в голове Алексея почти ежедневно после того, как всё это случилось. Ему казалось, что буквально одно единственное мгновение, один микрон отделяли нормальную жизнь от того ужаса, который свалился на них в то злополучное воскресенье, когда он (сам! по своей инициативе!) позвал дочь гулять во двор. Он хорошо помнил, как накануне, в субботу, он купил ей маленькие роликовые коньки. Потом много раз он вспоминал этот холодный октябрьский день, этот магазин и эти ролики, лежавшие на полке. Денег, как всегда, было в обрез, и он уже думал воздержаться от покупки, но разбитной продавец почему-то решил употребить свое необычное в те времена умение навязать товар покупателю и уговорил Алексея все-таки купить ролики. Удивительно врезались в память Алексея и этот спортивный магазин со специфическим запахом спортивных товаров, и продавец, напоминавший какого-то спортивного обозревателя. Алексей тогда и не подозревал, каким необычным образом он будет использовать эти яркие воспоминания в своей будущей жизни.

На следующий день ему самому не терпелось, чтобы доченька научилась устойчиво держаться на роликовых коньках. Почему они забыли надеть наколенники, какого черта они пошли гулять именно в этот раз, когда кто-то бросил проклятую железяку на асфальт, а не в помойку, почему ни Алексей, ни Леночка не заметили эту чертову железяку?! Она споткнулась, упала и сильно ударила коленку. Было много слёз и крика. Алексей взял на руки плачущую Леночку, отнес домой, осмотрел ножку, понял, что переломов, вывихов и растяжений нет. Просто сильный ушиб. Они оба получили взбучку от мамы, дочка перестала плакать, и все закончилось легким испугом, как подумал Алексей.

Как же он ошибался!

Леночка вот уже вторую неделю жаловалась на боль в правой ножке. Она немного прихрамывала, и Светлана решила показать её во второй раз врачу. В первый раз, когда Лена упала, споткнувшись роликовыми коньками о железяку, они получили первую помощь в своей детской поликлинике в виде обработки ссадины, ощупывания коленного сустава и рецепта на успокаивающую мазь. Теперь ссадина и синяк прошли, а ножка продолжала болеть.

– погоди, дай-ка я позвоню брательнику, он хотя и не педиатр и не травматолог, но вполне квалифицированный врач, – сказал Алексей и позвонил брату.

Коротко рассказав о Леночкиных жалобах на ножку и внимательно выслушав брата, Алексей спросил:

– А где лучше сделать рентген? В ЦИТО? Ты перезвонишь?

Алексей повесил трубку и сообщил Светлане и Леночке:

– Сергей говорит, надо сделать рентген, чтобы стало все понятно, сделать это надо в ЦИТО. У него там кто-то есть, он созвонится и перезвонит нам.

– Что такое ЦИТО? – спросила Светлана.

– ЦИТО – это Центральный институт травматологии и ортопедии, лучшее заведение нужного нам профиля.

Увидев испуганные дочкины глаза, он спохватился:

– Рентген – это совершенно не больно, ну совсем не больно!

Леночка знала, что папа всегда говорит только правду, и тут же успокоилась.

В ЦИТО они поехали на следующий день. Очень симпатичный дядя доктор действительно делал все совершенно не больно. Он шумно балагурил, смеялся, восхищался красивым ребенком. Однако, выйдя в коридор из рентгеновского кабинета, держа в одной руке Леночкину руку, а в другой рентгеновский снимок, он не улыбался. Передав Леночку маме, он глубоко вздохнул и начал говорить. Весь его облик выражал тяжелое сопротивление тем словам, которые он произносил.

– На большой бедренной кости – опухоль. Это может быть и не связано с травмой. Но я обязан вас предупредить, что это может быть и очень серьезной проблемой. На мой взгляд, необходима срочная госпитализация для выяснения характера опухоли.

Слова доктора, как обухом по голове, ударили Алексея и Светлану.

– Какая опухоль? Откуда она взялась? При чем здесь травма? – перебивая друг друга, воскликнули родители.

– Возьмите снимок, покажете его при госпитализации, извините, меня ждут пациенты. Огромный привет Сергею Николаевичу, – доктор откланялся и быстрым, как казалось, убегающим шагом удалился.

Очнувшись от шока, вызванного словами доктора, Алексей бросился было вслед за ним, потом передумал, поняв, что лучше проконсультироваться с братом, и вспомнив телефонный автомат, висевший в вестибюле ЦИТО.

Телефонный автомат, конечно же, не работал. Они вышли из здания института и направились к троллейбусной остановке. Алексей нес Леночку на руках, Светлана шла рядом, а Леночка щебетала про то, как интересно было у дяди в кабинете.

– Ножка меньше болит, наверное, от лучей, о которых дядя рассказывал, – глубокомысленно заявила Леночка.

– Так, давай я поймаю такси, и поедем к Сергею, покажем снимок и спросим, что делать, – сказал Алексей.

Светлана забрала Леночку от Алексея, который пошел быстрым шагом с поднятой в сторону проезжающих машин рукой. После серии неудачных попыток Алексей уговорил очередного таксиста, и через двадцать минут они подъезжали к больнице, в которой трудился Сергей в качестве заведующего терапевтическим отделением.

Увидев в коридоре абсолютно неожиданную картину в виде семейства брата в полном составе, Сергей понял, что случилось нечто экстраординарное. В маленьком, заваленном огромным количеством документов кабинетике, выслушав рассказ Алексея и посмотрев снимок, он погладил по головке Леночку и сказал:

– Вот чайник, вот чай в пакетиках, а я пойду, посоветуюсь.

Сергей ушел, захватив снимок. Они прождали его долго, может быть, больше часа. Наконец, он появился и сообщил:

– Главврач созвонился с лучшей детской больницей Москвы и договорился о госпитализации. Завтра к восьми утра вы должны быть в приемном покое, вот на бумажке адрес больницы, телефон приемной главврача, с которым договорился мой главный.

– Так что это, какой диагноз? – почти закричал Алексей.

– Лёшенька, спокойно, спокойно. Диагноз будет только после гистологии, – тяжело вздохнув, ответил Сергей.

– Что такое гистология? – спросила перепуганная насмерть Светлана.

– Ребята, я не буду от вас скрывать, что весьма вероятный диагноз – онкология, – произнес Сергей, оглядываясь на задремавшую в кресле Леночку, – а что касается гистологии, то это самое достоверное исследование клеток на злокачественность, придется делать костный укол, это очень болезненная процедура.

Из глаз Светланы полились крупные слезы, она молча плакала, с трудом сдерживаясь от громкого плача навзрыд. Лицо Алексея стало какого-то серого цвета, он смотрел только на Леночку, не отрывая взгляд и не произнося ни звука.

– Я договарюсь с завхозом, чтобы вас отвезли домой, я быстро, – выпалил Сергей и выско-чил из кабинета.

Дома, покормив и уложив Леночку, Светлана принялась плакать и, похоже, проплакала всю ночь. Алексей, забыв про всё на свете, включая учебу на последнем курсе училища, не мог думать ни о чем, кроме свалившейся на них беды. Вечером он часа два проговорил с Сергеем по телефону, выяснил, что может быть в худшем и лучшем вариантах развития событий. Сергей жестко, по-мужски, объяснил, что скорее всего их ждет самый тяжелый вариант – саркома – злокачественная костная опухоль, часто возникающая у детей после сильного удара конечности. Исход страшный: либо, в лучшем случае, ампутация ноги от бедра, либо еще страшнее.

Приняв снотворное, Алексей провалился в тяжкий нездоровый сон.

Больница оказалась на редкость современной, чистой, с вежливым и доброжелательным персоналом. Позже Алексей понял, такое доброжелательное отношение диктовалось несколькими факторами. Во-первых, сам возможный диагноз предполагал самое внимательное отношение, во-вторых, главврач больницы, кроме того, что он оказался очень профессиональным и одновременно добрым человеком, довел до сведения персонала, что дело касается близкой родственницы чрезвычайно уважаемого коллеги.

Леночке выделили, что само по себе казалось чудом, отдельную палату в хирургическом отделении. Маме или папе было разрешено находиться в палате круглосуточно. Леночка, поначалу испугавшись, но затем, поняв, что она будет все время с родителями, быстро освоилась на новом месте, восприняв все происходящее как интересное приключение. В палате, кроме кровати, стоял медицинский топчан, который при несложном улучшении путем добавления матраца и пледа легко превращался в спальное место для одного из родителей.

Второй день в больнице принес первое тяжелое испытание. Костный укол оказался таким болезненным, что Леночка от боли чуть не потеряла сознание. Рыдающую дочку Светлана на руках перенесла из процедурного кабинета в палату. Приехавший вечером Алексей, увидев опухшее от непрекращающегося плача лицо доченьки, бросился к ней, пытаясь утешить и чувствуя, что, если его сердце будет так разрываться ежедневно, он не доживет даже до постановки точного диагноза.

«Нужно собраться, полностью сосредоточиться на Леночке, отбросив все лишнее, все остальные проблемы. Нужно быть рациональным и жестким для того, чтобы облегчить доченьке все её проблемы», – думал Алеша, нежно пожимая ручку успокаивающейся дочки.

Сначала они ночевали в больнице по очереди. Через несколько дней Светлана сказала, что, если она попробует взять внеочередной отпуск, она может потерять работу вовсе, а ночевки в больнице несовместимы с её работой, где надо хорошо выглядеть, быть внимательной и сосредоточенной.

– Ты ведь сможешь оформить академический отпуск в училище, они же очень толковые люди, все поймут, – полуутвердительно спросила Света.

– Делай, что хочешь, я её не оставлю, пока все не образуется. Я смогу здесь жить, пока здесь живет она, а с училищем я разберусь, – ответил Алексей.

Через полторы недели пришел грозный результат гистологии – одна из самых злокачественных разновидностей саркомы.

В больницу приехал Сережа, пообщался с Леночкой, которая бодро бегала по палате, перемещаясь с помощью маленьких детских костылей, и вызвал Алешу в коридор.

– Результат гистологии очень плохой. Нужно срочно ампутировать ножку, иначе конец. Ты держись, без тебя вообще всё рухнет. Мы еще поборемся, сейчас есть такие современные протезы, что в футбол можно играть, – говорил Сергей, то отводя взгляд, то смотря прямо в глаза Алексея.

Алеша спокойно спросил:

– Кто, где и когда будет делать операцию?

– Мы всё решим, я уже поговорил с главным, он обещал всё устроить очень оперативно. Как только всё это определится, я тебе сообщу. А где Светлана-то?

– На работе.

– А-а. Как старики-то? Матери я дал сильные успокаивающие капельки, отец весь почернел.

– Светкины родители тоже приезжают, – не совсем впопад сообщил Алексей.

– Ты чего, закурил?! – изумился Сергей, не отводя глаз от пачки «Явы», которую держал в руках Алеша.

– Да тут не то что закуришь... – рассеянно отреагировал Алеша, явно находясь мысленно где-то далеко.

Оперировал один из лучших хирургов страны. Всё прошло штатно. Всю ночь перед операцией Алексей и Светлана не сомкнули глаз. После операции Леночку поместили в реанимационное отделение, куда не пускали никого, даже родителей. Алексей впервые за две недели уехал из больницы домой. Ощущение было такое, как будто часть его организма осталась там, в больнице.

Через два дня Леночку перевели обратно в её одноместную палату. Она заплакала, когда увидела папу, который сам чуть не заплакал.

– Я знала, что ты первый придешь, – произнесла сквозь слезы загадочную фразу Леночка.

– Мама сейчас приедет, а вечером приедут бабушка с дедушкой. Все будет хорошо, скоро все заживет, будешь как новенькая.

– А мне тетя медсестра сказала, что мне новую ножку сделают, еще лучше старой, – тихо сказала Леночка.

– Ну да, медсестра-то знает! – бодро согласился Алексей.

Начались будни заживления раны, перевязок, вставания на костыли, прогулок сначала по коридору, а потом и по больничному двору.

Много позже Алексей вспоминал этот период как самый счастливый период всей этой трагической эпопеи. Он очень хорошо помнил свои ощущения, каждодневные пробуждения с переходом от тяжелого, без сновидений, скорее похожего на глубокий обморок сна к бодрствованию. Сначала первые признаки обычного пробуждения, а затем резкий, как удар хлыста, внутренний голос, скорее вскрик: «Леночка», и вся действительность наваливалась на него.

Серьезно омрачила процесс выздоровления необходимость химеотерапии. Эта гадость, которая предназначена для замедления и остановки роста злокачественных клеток и которую было необходимо принимать, имела отвратительные побочные эффекты. Во-первых, тяжелый токсикоз, приводящий к рвоте и неприятию пищи, а во-вторых, к обильному выпадению волос. Все это Леночка стойчески переносила, видимо, подсознательно понимая необходимость всего этого ради выживания.

Еще один тяжелый удар обрушился в виде общего пожелтения и, как показал анализ крови, гепатита, занесенного некачественной кровью при переливании во время операции. Тяжесть этой новости воплотилась в необходимость перевода Леночки в инфекционное отделение, нахождение в котором родственников запрещалось. Все это выматывало до умопомрачения, но на этом испытания Алеша на прочность не кончились.

То, что при обычных обстоятельствах взорвало бы жизнь Алексея, было им сейчас воспринято как нечто не очень существенное. Алексей, приехав очередной раз домой, чтобы принять душ, сделать необходимые звонки и решить другие неотложные мелкие хозяйственные вопросы, случайно наткнулся на обрывок записки, часть которой Светлана по небрежности не выбросила. Эта бумажка застряла в ковше мусоропровода, и Алексей мог не обратить на нее никакого внимания, но он обратил. Из хотя и неполного текста записки следовало, что Светлана находится в любовной связи со своим начальником, причем довольно давно. Алексей попробовал применить к найденному тексту другие толкования, но ничего не получилось. Такие обороты, как «целую тебя в своё любимое местечко – в ***еньку», а также «...в рабочее время твои коллеги, а мои подчиненные нас не поймут, а в не рабочее ты теперь себе не принадлежишь», не оставляли места для других толкований.

«Ну и слава Богу, черт с ней, пусть катится к своему МИДовцу высокопоставленному. Сейчас не время, вот доченьке получше станет, тогда и разберемся», – думал Алеша, сам удивляясь своему спокойному равнодушию по поводу обнаруженного.

Алексей был собран и сосредоточен на Леночке, как он и велел себе. Он жил как бы на автопилоте, все мелкие и крупные вопросы и проблемы, которые непосредственно не касались Леночки, его не затрагивали. Время от времени возникал друг Серега с предложениями помочь в любом вопросе, но оба понимали, что он помочь не в силах, и, когда Алексей мог отлучиться из больницы, просто распивали бутылку, выкуривали пачку сигарет, разговаривая ни о чем. Тогда Алексей не знал еще, что самое страшное впереди.

Звонок брата застал Алешу дома. Он только что принял душ и сел пить чай перед возвращением в больницу. Резкий телефонный звонок неприятно прервал спокойное чаепитие, Алексей взял трубку и услышал голос брата.

– Привет, хорошо, что я тебя застал. Плохие новости, брательник.

– Что может быть еще плохого в и без того отвратительной жизни, – ответил Алеша, еще не чувствуя, что брат не шутит.

– У нее метастазы в легких, рентген показал, их главный сразу позвонил моему главному, а он позвонил мне.

– Какие метастазы, чего ты плетешь, у нее уже желтуха прошла, её вот-вот переведут в обычную палату, – взревел Алексей.

– Лёшенька, успокойся, милый мой братан, держись, нужно подумать, как облегчить ей дальнейшее... – запнулся Сережа.

– Господи, что мне делать, что нам делать? – прошептал Алексей и почувствовал, что разговаривать больше не может.

Он услышал, как брат кричал в трубку, что он сейчас приедет. Медленно, хватаясь за стены и двери, он добрал до кровати, упал на кровать и зарыдал, сотрясаясь всем телом.

Брат примчался минут через сорок, дал каких-то капель, видимо, успокаивающих, спросил, кто с Леночкой в больнице.

– Светлана, она наконец-то взяла отпуск, – ответил Алексей.

– Ну и хорошо, ты хоть отдохни немного, соберись, впереди самое тяжелое, – безжалостно произнес Сергей.

– Скажи мне, как это будет, я должен знать, должен подготовиться, – в голосе Алеши чувствовалась какая-то еле теплящаяся надежда на чудо.

– Господи, Лёшенька, на тебя свалилось самое большое несчастье из всех возможных. Что я могу сказать, держись, крепись, братан, нам только не хватает, чтобы с тобой что-нибудь случилось! Готовься к самому ужасному, тут медицина абсолютно бессильна.

– А может, какие-нибудь экстрасенсы, а может, в Штатах медики уже продвинулись, мы ведь можем её отвезти в Штаты, – бормотал Алексей.

– Выкинь из головы, только мучить себя да и её тоже. Нет реально лечащих экстрасенсов, не могут в Штатах лечить рак на такой стадии. Выписись, как следует, а завтра с новыми силами поезжай в больницу. По-моему, она тебя любит больше, чем Светку, я завтра тоже приеду, поговорю с лечащим врачом, может, какие суперлекарства нужны. Слушай, а что у тебя с училищем, ты оформил академотпуск?

– Написал рапорт, а что там дальше, не знаю. Да мне до лампочки училище, учеба, карьера, неужели не понятно. Мне теперь всё до лампочки.

– Понимаю, братан, понимаю.

– Слушай, неужели вся эта жуть от простого падения и удара, пусть и сильного? Неужели после того, как человек просто споткнется и упадет, сильно ударится, у него разовьется самая тяжелая в мире болезнь? Так же не бывает! Рак бывает у пожилых людей, но не у детей же!

– Лешенька, дорогой мой братан, я изучил мировую статистику и обнаружил, что феномен развития костного рака после сильного ушиба как раз и характерен для детского и подросткового возраста. Это ужасно, но это факт.

Через несколько дней у Леночки началась дыхательная недостаточность. Подключили неприятно шипящий кислород. Она перестала разговаривать и только часто-часто дышала. Алексей брал её на руки, держал в левой руке, а правой поддерживал кислородный шланг. Ему казалось, что на руках ей легче, чем в кровати. День и ночь слились в один непрекращающийся ужас. Он через каждый час выходил из палаты на лестницу курить, и эти перекуры были некоторым отвлечением от того, что происходило в палате. Светлана, чувствуя, что всё кончено, упростила врача разрешить ей ночевать в отделении. Теперь Алексей спал, если это можно назвать сном, на топчане в палате, а Светлана на топчане в процедурной.

В половине третьего ночи Алексей, привычно держа Леночку в своей левой руке, ощутил какое-то непонятное происшедшее изменение. Прислушиваясь к равномерному свисту кислорода, он понял, что произошло. Доченька перестала дышать. Алеша осторожно подошел к кровати, бережно положил дочку, тщательно поправил бесполезный и бессмысленный кислородный шланг и вышел в коридор. Он подошел к посту дежурной медсестры, которая сидя дремала, облокотившись на спинку высокого стула, и громко и четко произнес:

– Она перестала дышать.

Медсестра вздрогнула, открыла глаза, узнала Алексея, поняла ужасный смысл сказанного и, перекрестившись, нажала на кнопку экстренного вызова дежурного врача.

– Господи, – прошептала она и, как бы опомнившись, вскочила и бегом побежала в палату.

Алексей закурил, посмотрел в сторону приближавшегося по длинному коридору быстрым шагом врача и пошел на лестницу. Врач, молодая некрасивая женщина, через некоторое время вышла на лестницу, посмотрела внимательно на Алексея, поняла, что он в нормальном для такого момента состоянии и попросила сигарету. Они молча покурили, затем она сказала:

– Мне ужасно жаль, я вам очень сочувствую.

– Светлану бы надо разбудить, но я не хочу это делать, вы бы не могли организовать это как-нибудь без меня, она ведь будет сейчас рыдать безудержно, я бы не хотел...

– Я сейчас попрошу моих коллег оказать помощь, вы не волнуйтесь, мы все организуем.

Алексей благодарно кивнул, закуривая следующую сигарету и с удивлением ощущая неожиданное спокойствие, так не подходящее к текущему моменту. Позже, вспоминая сотый раз каждую минуту и секунду этих дней и часов, он понял, что настолько убедил себя стоять, как скала, настолько был уже морально готов к этой страшной потере, что вел себя спокойнее посторонних медицинских работников, бегавших и суетившихся в эти ночные часы.

После похорон Алексей сказал Светлане, что будет лучше, если он поживет у родителей, с небольшим чемоданчиком переехал в родительскую квартиру и слег с тяжелой простудой.

Он проболел недели три, после чего стал постепенно реагировать на какие-то внешние раздражители в виде телефонных звонков друга Сереги, визитов брата и его жены.

Простуда закончилась, но началась какая-то странная болезнь, когда ничего острого нет, но есть абсолютно явственное ощущение не просто болезни, но тяжелого недомогания, выражающегося в различных тупых болях. Болело левое ухо, болел живот, боль не проходила ни днем, ни ночью. Алексей практически не спал, время от времени тяжело забываясь, что никак нельзя было назвать сном, и потерял интерес к пище, что означало нечто экстраординарное, поскольку ни при каких обстоятельствах, никогда раньше Алеша не терял аппетит. Хождения по врачам не принесло результатов, вердикт врачей был прост и понятен: все в норме.

Алексей каждый день думал о Леночке, вспоминал разные эпизоды её короткой жизни, прошедшей день ото дня у него на глазах. Он не мог о доченьке говорить ни с кем, каждый раз чувствуя, как жгуче накатывают слёзы, когда кто-то заговаривал о ней. Окружающие это быстро поняли и не затрагивали эту тему.

Несмотря на положительные объективные заключения врачей, Алексей все хуже и хуже себя чувствовал. Боль в левом ухе не утихала, живот продолжал болеть, а бессонница просто свирепствовала. Он не мог обходиться без снотворных таблеток, которые давали возможность отключиться в глубоком, но не приносящем отдыха сне. Неприятные исследования показали какое-то серьезное неблагополучие в кишечнике, и брат организовал Алешину госпитализацию в гастроэнтерологическое отделение своей больницы.

В палате лежали еще четверо мужчин среднего возраста. Сергей специально настоял на том, чтобы Алеша лежал не в отдельной, а в общей палате, видимо, полагая, что так будет лучше для брата. Каждый день приходила мама с любовно приготовленной диетической едой, а Сергей дважды или трижды в день забежал перекинуться двумя словами. Отец бывал два-три раза в неделю, поражая всех окружающих своим эффектным видом: седовласый высокий красавец в адмиральской форме, небрежно прикрытой накинутым белым халатом.

Самыми яркими визитами были набеги не всегда трезвого друга Сереги, который то ли пытался взбодрить Алешу, то ли на самом деле был таким весёлым и возбужденным. Он моментально перезнакомился со всеми Алешиными соседями по палате, медицинским персоналом, рассказывал о приключениях, которые ежедневно происходили в его жизни. К его удивлению Алексей никак не реагировал на его «вкусные» истории, которые раньше всегда имели успех.

Однажды в палате появилась Светлана. Алексей немного встревожился таким неожиданным визитом, но вскоре все стало понятно. Они пошли покурить на лестницу, и Светлана, тщательно отводя глаза, сказала, что она хочет развестись, потому что любит Андрюшу – своего сослуживца, и они хотят пожениться.

– Да я знаю, это твой начальник отдела, – равнодушно заметил Алексей.

– Откуда ты знаешь? – удивилась Света.

– Из мусоропровода, – загадочно для Светланы ответил Алеша. – Да я не возражаю, только, если срочно, я пока не очень мобилен, сама видишь.

– Ну, особой срочности нет, просто я хочу, чтобы все было честно.

– Честнее не бывает, – резюмировал Алексей.

Они договорились оформить развод, как только Алеша выйдет из больницы. Светлана ушла, Алексей побрел по длинному больничному коридору в сторону своей палаты и с удивлением, плавно переходящим в ужас, подумал, что его посещают какие-то странные люди, причем в очень большом количестве.

«Ну ладно, папа, а кто этот красивый морской генерал? Тоже папа? – думал Алексей, медленно вышагивая по коридору, не обращая внимания на окружающих. – А мама тоже в странном каком-то режиме приходит, то одна мама, то другая, почему же их так много?»

– Лёшенька, ты о чем так глубоко задумался? – какой-то очень знакомый мужчина спросил Алексея.

«Господи, да это же брат!» – мысленно воскликнул Алексей.

– Сережка, что-то мне совсем не по себе, что-то со мной происходит совсем плохое, – прошептал Алеша и, глотая слова, быстрой тихой скороговоркой начал выяснять у Сергея, сколько у них родителей, почему к нему приходят разные папы и мамы.

Сергей проводил брата в палату, уложил в кровать, сказал, что все будет нормально, сбежал куда-то и принес какую-то новую таблетку. Посидев недолго у кровати брата, сказал, что пойдет посоветуется с коллегами. Когда Сергей ушел, Алеша почувствовал такую пустоту в душе, что не хотелось не только что-либо делать, но и о чем-либо думать.

На следующий день Алешу перевели в неврологическое отделение. Лечащий врач, маленького роста, полноватый и лысоватый мужчина, был очень внимателен и никуда, в отличие от других Алешиных врачей, не торопился. Он проводил в беседах с Алексеем по несколько часов в день. Отдельная палата, куда на этот раз поместили Алешу, была достаточно комфортной и вполне располагала к доверительному общению. Брат, принимавший посильно-активное участие в переезде Алеши на новое место, постоянно убегавший в собственное отделение по своим неотложным делам и возвращавшийся к Алеше, чтобы помочь ему в обустройстве на новом месте, говорил спокойно и убедительно:

– У тебя невроз, может быть, даже тяжелый невроз, как следствие того, что случилось. Но это решаемая проблема, это лечится, причем успешно. Тебе повезло, твой лечащий врач – гениальный специалист, это просто звезда в нашей больнице, будущий академик, так что все будет нормально.

Будущий академик был, видимо, действительно талантливым врачом. Он полностью изменил систему лечения Алексея, назначил какие-то другие, совершенно незнакомые не только Алексею, но Сергею препараты, провел все мыслимые и не мыслимые исследования, одно перечисление которых походило на чтение медицинского справочника. Но, самое главное, он беседовал с Алешей дважды в день, утром, после завтрака и вечером, в так называемый тихий час. С каждой такой беседой у Алексея очень постепенно, но неуклонно укреплялась уверенность, что он, в конце концов, выздоровеет.

Совершенно изменилась система посещения. Мама с папой приходили вместе один раз в неделю, Серега вообще не появлялся, но зато брат заходил ежедневно, как обычно, дважды – утром и вечером.

Боли постепенно оставляли Алешу, перестало болеть ухо, живот болел все меньше, но самое главное, так потрясшее Алексея раздвоение его близких людей как-то незаметно ушло, как дурной сон.

Эдуард Михайлович, так звали лечащего врача, сообщил, что можно планировать выписку Алексея на следующей неделе и что он настоятельно рекомендует Алеше куда-нибудь поехать, отвлечься от всего пережитого, причем не на три дня, а длительно, недельки на четыре, не меньше.

В воскресенье, накануне дня выписки, пришел Георгий Ашотович. Он, как это гармонично сочеталось с его профессиональным статусом, появился совершенно неожиданно, как бы возник, будто всегда был где-то здесь неподалеку. Последний раз Алексей встречался с Георгием Ашотовичем на похоронах Леночки, где Алеша услышал от него вполне дежурные, но при этом искренние слова сочувствия и ободрения.

С первых же слов беседы Алеша понял, что Георгий Ашотович осведомлен абсолютно обо всех нюансах происходящих с Алексеем событий. Он в свойственной ему манере, с приятным легким кавказским акцентом, простыми, понятными словами объяснил Алеше свое видение ситуации.

– Ты, дорогой мой, пережил очень тяжелый невроз, несовместимый с профессией, к которой тебя готовили. Это, конечно, очень плохо и для твоей карьеры, и для тех, кто возлагал на тебя большие надежды. Из училища после формального прохождения врачебной комиссии тебя отчислят, несмотря на последний год обучения. Твой лечащий врач, кстати очень толковый дядя, говорит, что, если вести правильный образ жизни, этот невроз не приведет к никаким-либо сложностям будущей жизни. Но ключ к успеху в тебе самом! Психологические проблемы реально и радикально решаются только самостоятельно. Я знаю, что ты парень волевой, и верю, что ты справишься.

– Георгий Ашотович, спасибо за ваши слова. Эдуард Михайлович советует уехать куда-нибудь надолго, только я не знаю, где находится это «куда-нибудь». Честно говоря, я потерял все опорные точки в жизни, без ребенка, без жены, без образования. Кому я нужен?

– Прежде всего, самому себе. Тебе сейчас трудно это представить, но поверь мне, время излечит всё, и у тебя с твоими данными будет всё – и любимая женщина, и дети, и образование, и работа. Вот что я тебе посоветую. У тебя завидная физическая подготовка. Давай-ка поезжай не «куда-нибудь», а в знакомый тебе загородный лагерь твоего любимого специнтерната. Будешь инструктором по рукопашному бою, воспитывать будущих Джеймсов Бондов. Я как замдиректора, – тут он не мог скрыть иронии, – приглашаю тебя на работу в интернат.

После ухода Георгия Ашотовича Алеша думал, какой же это сильный и одновременно добрый человек, с которым его свел все тот же «Его Величество Случай». Как он все гениально придумал, все совпадало – и поездка «куда-нибудь», и возможность начать жизнь набело, но не на абсолютно новом месте, а в хорошо знакомой обстановке, при этом общаться с молодыми мальчишками и девчонками, делая из них настоящих бойцов, как когда-то делали из него самого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.